Ирина Михутина
Украинский
Брестский
мир
европа

Ирина Михутина

Украинский Брестский мир

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171349
Украинский Брестский мир: Европа; Москва; 2007
ISBN 978-5-9739-0090-8

Аннотация

Что мы знаем о подлинной истории подписания Брестского мира? Почти ничего. Какие-то обрывки из советских книг и кинофильмов, которые служили в первую очередь иллюстрацией к сталинскому «Краткому курсу истории ВКП(б)». Отрывочные абзацы из учебников, которых уже почти никто не помнит. Между тем долгая эпопея переговоров о сепаратном мире между революционной Россией, с одной стороны, и Германией с ее союзниками – с другой, читается как детективный роман. Особую остроту этой истории придает факт, которого не знает никто, кроме немногих специалистов: дипломатическое поражение России в Брест-Литовске было вызвано не только непоследовательностью и авантюрностью петроградских переговорщиков. Ключевую роль здесь сыграл «джокер»: в группе договаривающихся сторон внезапно появился новый партнер – Украинская центральная рада, которой, при всей шаткости ее положения, за спиной делегации из Петрограда удалось подписать с Германией отдельный мирный договор.

Содержание

ОТ АВТОРА 4
Глава 1 6
Глава 2 20
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Ирина Михутина
Украинский Брестский мир

Путь выхода России из первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной рады

ОТ АВТОРА

Брестский мир, или заключение мирного договора между Россией с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой, которое произошло 3 марта 1918 года, – очень известное событие, давно уже сделавшееся предметом отечественных и зарубежных исторических исследований, мемуаристики, публицистики, драматического жанра и прочих произведений. И все же дипломатическая акция по подготовке мирного договора с Германией, Австро-Венгрией и их союзниками протекала в столь необычных, быстро менявшихся и полных неожиданностей условиях внутренней жизни вступивших в переговоры стран, что для полноты картины необходимо рассмотреть важнейшие из этих привходящих условий. Среди них судьбоносным для Брестского мира оказалось неожиданное появление в качестве нового самостоятельного субъекта переговоров Украинской народной республики, провозглашенной первоначально в пределах Российского государства, – «не отделяясь от республики Российской и сберегая единство ее». Тем не менее представители республики заключили с Германией и ее союзниками отдельный мирный договор, что резко изменило соотношение сил на брестских переговорах в ущерб России.

История подготовки и заключения украинского договора на фоне становления Украинской республики, формирования ее внешнеполитических приоритетов в теории и опровержение их на практике – таков центральный сюжет, давший название книге.

Развитие ситуации в Украине происходило в связи и взаимодействии со многими событиями на территории остальной России. Потому освещение этих событий, а также анализ линии советского руководства в украинском вопросе нашли место на страницах книги.

Кроме того, возникла возможность без предвзятости проанализировать специфику советской политики и дипломатии в связи с брестскими переговорами, чему в решающей мере способствовали выявленные при сборе материала документы и факты, которые прежде по идеологическим мотивам оставались вне поля зрения исследователей.

Автор глубоко признателен сотрудникам Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (Центральний державний архів вищих органів влади і управління – ЦДАВО України), Архива внешней политики РФ (АВП РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива РФ (ГАРФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), которые высокопрофессионально и доброжелательно содействовали выявлению документов и дальнейшей работе над ними, послужившими основой предлагаемого труда.

Материалом для изучения поставленных в нем вопросов, во-первых, послужили:

• комплекты правительственных документов – протоколов заседаний Совета народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики из фондов РГАСПИ и ГАРФ; официальных актов и отчетов о сессиях украинской Центральной рады и протоколов заседаний правительства Украинской народной республики – Генерального секретариата, представленных в двухтомной публикации «Українська центральна рада. Документи і матеріали» (Київ, 1996); копий протоколов заседаний ЦИК Советов Украины и правительства – Народного секретариата, в свое время в подборках поступивших в РГАСПИ из архивов Украинской ССР;

• оперативные документы – тексты переговоров по прямому проводу Петроград – Киев на тему урегулирования российско-украинских отношений из ЦДАВО України, фонд ГС.

Во-вторых, материалами этого исследования стали дипломатические документы из АВП РФ, фонда «Мирные переговоры в Брест-Литовске», фонда наркома по иностранным делам, референтур по Германии и Австрии, личных фондов и других источников. Среди них – протоколы переговоров о перемирии и мире, а также оперативный обмен информацией между советской делегацией и правительством: телеграммы, радиограммы, записи переговоров по прямому проводу; оперативные отчеты делегации Центральной рады правительству и инструкции Генерального секретариата делегатам в период неофициальных переговоров украинцев с представителями Четверного союза из фонда ГС ЦДАВО України и копии протоколов официальной стадии этих переговоров – из ГАРФ и АВП РФ, коллекция германских дипломатических документов из публикации «Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора» (Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сборник документов. – М., 1968. Т. 1).

В-третьих, это военные документы из фондов РГВИА, РГАСПИ, АВП РФ, ГАРФ – переписка командования и сводки о состоянии действующей армии, о деятельности группы военных консультантов советской делегации, о боевых действиях отрядов под командованием Владимира Антонова-Овсеенко против донской контрреволюции и войск Украинской народной республики.

И наконец, это разнообразные документы по теме, выявленные в фондах Владимира Ленина, Секретариата председателя Совета народных комиссаров, Иосифа Сталина, Льва Троцкого (РГАСПИ).

Глава 1
ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВЫХОД РОССИИ ИЗ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Россия не может воевать. – Владимир Ленин – Лев Троцкий: переговоры с противником ради мира или для начала революционной войны? – Разведочная и демонстрационная стадия переговоров о перемирии. – Перерыв в переговорах и подготовка в Петрограде к заключению перемирия. – Первые плоды «революционной дипломатии» распространения листовок в стане противника. – Самоубийство члена военной консультации при возобновлении переговоров. – Перемирие заключено. – Начальные контуры переговоров о мире.

Большинству российских политиков, оказавшихся у власти в результате Февральской революции, представлялось, что достаточно сместить неэффективное царское правительство и провозгласить демократические свободы, чтобы обеспечить более успешное, чем при самодержавии, участие России в мировой войне. От старой власти они переняли цели войны и ожидали, что военный фактор в условиях политической свободы послужит новой мобилизации народа. Так думали либералы – конституционные демократы во главе со своим лидером Павлом Милюковым, министром иностранных дел в первом составе Временного правительства [1].[1] В том же русле мыслил и действовал возглавивший затем правительство социалист-революционер Александр Керенский.

Однако вызвавший революцию кризис, помимо политических причин, имел глубокие социально-экономические корни. Унаследованные межсословные перегородки и различия интересов не стерлись в одночасье и по-прежнему, если не в большей степени, мешали сплочению всех общественных сил вокруг военных задач. И если часть офицерства еще могла вдохновляться идеалами воинской чести и славы, то для солдатских масс, не понимавших имперских целей войны и подавленных уже понесенными потерями на ее полях, провозглашенная революцией свобода могла означать лишь одно – свободу от войны. Н. М. Могилянский, петербургский профессор украинского происхождения, этнограф и экономист, ничего общего не имевший с большевиками, писал, находясь уже в эмиграции: «Кто близко видел фронт и настроение войск, задолго до проповеди Ленина и Троцкого предсказывали основное следствие опыта войны: „Солдаты оставят фронт“… Проповедь упала лишь на слишком готовую психологически почву» [2]. Ни бодрящие призывы Временного правительства, ни требования союзников не переломили этого настроения. На европейских фронтах русская армия отступала, отдавая противнику стратегически важные позиции на своей территории, а страна в ожидании назревших социально-экономических преобразований при бездействии Временного правительства погружалась во внутренний хаос, теряя способность поддерживать техническое, материальное, продовольственное обеспечение фронта.

В этой обстановке в кругах сторонников реальной политики крепла мысль о необходимости поворота к миру, даже сепаратному. В таком духе высказались на секретных политических совещаниях в августе – сентябре 1917 года заместитель председателя Временного правительства Александр Коновалов и советник МИД императорской России и Временного правительства, специалист по международному праву Б. Э. Нольде [3].

Последний военный министр Временного правительства Александр Верховский в связи с катастрофическим сокращением материальных средств поставил вопрос об уменьшении численности войск и, встретив возражения главного командования, 20 октября на

[1] В квадратных скобках указаны источники (см. примечания в конце каждой главы).

соединенном заседании комиссий Совета республики по обороне и иностранным делам высказался в пользу предложения противнику мирных переговоров, за что был отстранен Александром Керенским от должности [4].

Однако шаг военного министра встретил понимание людей, не понаслышке знавших положение в войсках. Генерал А. П. Будберг, командовавший одним из корпусов Северного фронта, записал 23 октября в своем дневнике: «С точки зрения верности слову предложение, конечно, коварное, ну, а с точки зрения эгоистических интересов России быть может единственно дающее надежду на спасительный исход: для масс мир это козырный туз, и его хотят взять себе большевики… и возьмут, как только станут у власти». Большевики действительно взяли власть под знаком немедленного мира, и это, по признанию далекого от симпатий к ним генерала, был «гениальный ход для привлечения солдатских масс на свою сторону» [5].

Но в международно-политическом плане большевики располагали лишь лозунгом справедливого мира «без аннексий и контрибуций», пригодным для тех, кто не был уверен в успехе или проигрывал войну, но неприемлемым для стран и народов, имевших шансы осуществить поставленные цели (у одних – захватнические, гегемонистские, у других, напротив, – связанные с национально-освободительными и национально-объединительными процессами) [6].

Вождь большевизма Владимир Ленин видел идеальный характер формулы справедливого мира и не один раз в духе марксизма подчеркивал, что получить такой мир «нельзя без свержения капитализма» [7]. Европа была еще далека от этого. Правда, центральные державы проявляли заинтересованность в ликвидации своего Восточного фронта и пополнении истощившихся ресурсов за счет восстановления экономических отношений с Россией. Не случайно Берлин, пренебрегая дипломатическим протоколом, откликнулся на советское радиообращение о перемирии и затем, когда 13(26) ноября 1917 года российские парламентеры на участке Северного фронта по шоссе Двинск – Паневеж в пасторате Лассен вручили немецкому дивизионному генералу Г. Гофмейстеру документ с предложением вступить в переговоры о перемирии, положительный ответ германского верховного командования последовал раньше первоначально установленного срока, практически немедленно. Переговоры было намечено начать 19 ноября (2 декабря) 1917 года в Ставке командования германского Восточного фронта в Брест-Литовске [8]. С такой же готовностью «приступить к предложенным Русским правительством переговорам о немедленном перемирии и всеобщем мире» откликнулось правительство Австро-Венгрии [9].

Но и мир с заинтересованными центральными державами не обещал быть легким. На пути к нему стояла немецкая оккупация, помимо Польши и части Волынской губернии, стратегически важных для России территорий в Прибалтике. Не потому ли Ленин, став у руля государства, уже 25 октября (7 ноября) на дневном заседании Петроградского совета стал говорить о том, «что немедленного мира ждать невозможно и решительная политика мира не означает немедленного прекращения войны»? Этой мысли мы не встретим в собрании сочинений, где речь изложена по газетному отчету. В нем воспроизведена агитационная доктринальная составляющая речи, в которой окончание войны напрямую связано с необходимостью «побороть самый капитал» [10]. Но приведенные выше слова были дружно замечены представителями военных ведомств в Петрограде – штаба Верховного главнокомандования и политуправления военного министерства – и немедленно сообщены в Ставку верховного главнокомандующего и в управленческие органы фронтов [11].

С такой же осмотрительностью государственного человека 26 октября (8 ноября) Ленин представил Второму Всероссийскому съезду Советов свой революционный «козырный» Декрет о мире. «Мы, конечно, будем всемерно отстаивать всю нашу программу мира без аннексий и контрибуций. Но мы должны не ставить наших условий ультимативно. Поэтому и включено положение, что мы рассмотрим всякие условия мира, все предложения.

Мы не закрываем и не закрывали глаз на трудности», – говорил он, имея в виду собственно дипломатическую работу. Тогда же прозвучали знаменательные в свете дальнейшей истории «несчастного» мира слова: «Войну нельзя кончить одной стороне» [12].

Таким образом, Ленин, приступая к «делу мира», имел в виду как специфические методы революционного воздействия и антивоенной пропаганды в стане противников и капиталистических союзников, не признавших советское правительство и требовавших от России продолжения войны, так и общепринятую дипломатическую практику.

Поддержание такого баланса оказалось в конечном счете невозможным с назначением наркомом по иностранным делам Льва Троцкого. По его воспоминаниям, при распределении портфелей председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов (ВЦИК) Яков Свердлов будто бы сказал: «Льва Давыдовича надо противопоставить Европе, пусть берет иностранные дела» [13]. Но Троцкий, по словам сменившего его после брестского провала Георгия Чичерина, – любитель «декларативных шагов, доводящих все до крайнего обострения» и «истерических скачков» [14], с самого начала не имел вкуса к дипломатической работе и, по собственным воспоминаниям, следующим образом рассуждал при своем назначении: «Какая такая у нас будет дипломатическая работа?.. Вот издам несколько прокламаций и закрою лавочку» [15].

Значительно полнее намерения Троцкого отразились в письмах из России члена французской военной миссии капитана Ж. Садуля. Социалист Садуль был сторонником сотрудничества Франции с советским правительством и единственный из французских представителей поддерживал неофициальные контакты с большевистским руководством, правда, из-за незнания русского языка – лишь с теми, кто говорил по-французски. Он встречался с Лениным; особенно тесным было его общение с наркомом по иностранным делам. «Долго беседовал с Троцким, который все настойчивее зовет заходить к нему каждый вечер, – сообщал он 5(18) ноября недавнему министру вооружений Франции, социалисту А. Тома, – он принимает меня, отложив все дела. Я остаюсь единственным связующим звеном между революционным правительством и союзниками» [16].

Учащенное общение сформировало у француза обманчивое представление о первенствующей по сравнению с Лениным роли Троцкого в большевистских верхах. Троцкий, писал он, «с помощью Ленина почти в одиночку осуществляет управление революционным правительством. Сам Ленин часто присутствует при наших беседах. Он отлично понимает по-французски, но говорит на нем не так хорошо, как Троцкий, и никогда не включается в разговор» [17].

Вместе с тем в записях Садуля значительно точнее и полнее, чем в других источниках, вырисовывается линия Троцкого в непосредственно порученной ему области. Из интервью, данного французу в ночь на 26 октября (8 ноября), следовало, что Троцкий вовсе не готовился к дипломатическим переговорам, так как был заранее «уверен, что германское правительство, несмотря на давление социал-демократии, не примет предложения о перемирии на мирных условиях, выдвигаемых русской революцией», а на вопрос «что тогда» продекларировал с полной уверенностью: «Тогда мы объявляем революционную войну, священную войну, ведущуюся не на принципах национальной обороны, а на принципах обороны интернациональной, социальной революции. Мы добьемся от наших солдат военных усилий, которых русские правительства, включая царизм, не сумели потребовать от армии» [18].

Через неделю Садуль записал по поводу подобных тирад: «Я не разделяю оптимизма Троцкого. Я не верю, что революционное сознание поднимет на борьбу с врагами революции всех тех солдат, которые отказываются воевать против врагов родины» [19]. Таким образом, разница в толковании проблемы мира между Лениным и Троцким обнаружилась в первый же день прихода их к власти, но не сразу переросла в противоречие. Во-первых, потому, что революционная и антивоенная пропаганда вовне, которую Троцкий ставил во главу угла,

признавалась и Лениным в качестве особого средства воздействия на контрпартнеров в будущих переговорах о мире. 26 октября (8 ноября) Садуль узнал от Троцкого, что «уже сейчас готовится несколько миллионов листовок с этим обращением (Декретом о мире. – *И. М.*) и призывом к немецким трудящимся начать восстание; листовки будут разбросаны самолетами на линии фронта и в тылу противника» [20]. Во-вторых, Троцкий хотя и предпочитал замирению с неприятелем «священную революционную войну», но полагал, что начинать надо с предъявления демократических принципов мира, то есть не отрицал, что на повестке дня должны быть мирные переговоры, к чему бы они ни привели.

Переговоры о перемирии обычно являются делом военных. Но в условиях старой армии при новой власти делегация, сформированная для этой цели, приобрела политическое лицо: уполномоченные ВЦИК функционеры РСДРП(б) А. А. Иоффе (председатель), Л. Б. Каменев, Г. Я. Сокольников, левые эсеры А. А. Биценко и С. Д. Мстиславский (Масловский), а также «представители революционных классов» – солдат, матрос, рабочий и крестьянин. При ней предусматривалась группа военных специалистов-консультантов. (Противники большевиков потешались над этой группой делегатов, слагая анекдоты о том, как будто ничего не подозревавшего деревенского мужика, неизвестно зачем оказавшегося в Петрограде, в последний момент прямо с улицы усадили в поезд, идущий в Брест, в качестве полномочного делегата. На самом деле попавший на язык острословам калужский крестьянин Р. И. Сташков хотя и не знал дипломатической техники и этикета, но был вполне причастен к политике, состоял в партии эсеров, участвовал в Чрезвычайном съезде крестьянских депутатов и даже был избран в его президиум.)

Военное министерство, руководимое генералом Алексеем Маниковским, и Генеральный штаб под началом генерала В. В. Марушевского, в отличие от других старых государственных учреждений, бойкотировавших советскую власть, сочли своим долгом продолжать работу «для насущных нужд армии». Тем временем генерал-майор Генерального штаба С. А. Одинцов предложил свои услуги по организации штабных офицеров для разработки военно-технических условий перемирия, и Владимир Ленин, приняв предложение, просил наметить основные вопросы договора, заранее обратив внимание на важное с точки зрения союзных обязательств «условие о неотводе войск на другие фронты», на необходимость определения разграничительной линии перемирия, мер контроля и так далее, а также предложил назвать кандидатов в военные консультанты [21].

Последнее оказалось непросто. Двух представителей Генерального штаба, полковников В. И. Шишкина и А. В. Станиславского, избранных для этой миссии на собрании сотрудников Главного управления штаба, генерал Марушевский направил в делегацию под угрозой ареста [22].

Самому генералу вскоре не удалось его миновать. 19 ноября (2 декабря) Лев Троцкий доложил на заседании Совета народных комиссаров об аресте Маниковского и Марушевского. Последнего – «за направленные против Советов переговоры с Духониным (смещенным большевиками исполнявшим должность Верховного главнокомандующего. – *И. М.*) и сделанную преступную попытку саботажа при организации делегации для переговоров о перемирии». 21 ноября (4 декабря), на следующий день после захвата большевизированными частями Ставки в Могилеве и самочинной расправы с Николаем Духониным, Совнарком отклонил предложение А. Г. Шляпникова, Николая Подвойского и Александры Коллонтай об освобождении генералов и назначении их на ответственные посты и принял резолюцию Льва Троцкого с обвинением их в «замаскированной, выжидательной, контрреволюционной политике» и замечанием в адрес самой советской власти за «попустительство» такой политике, которая «вызывает смуту в рядах командного состава» [23]. В подготовительных материалах к этому заседанию правительства имеется рукописный набросок с предложением «народным комиссарам по военным делам Крыленко, Подвойскому и Антонову…

за недостаточный контроль над военным ведомством… сложить с себя полномочия». На их место предлагались Вячеслав Менжинский, Лев Троцкий и Марк Елизаров [24]. Замена тогда не состоялась, а генералы 30 ноября (12 декабря) были освобождены на поруки по ходатайству командного состава и солдат Главного артиллерийского управления [25].

В срочном порядке были вызваны из армейских штабов разных фронтов, а также Военно-морского штаба и другие офицеры [26].

По пути в Брест уполномоченные делегаты, прибыв в расположение командования Северного фронта в Двинске, выступали с агитационными речами на «летучих» солдатских митингах, поучаствовали в работе проходившего армейского съезда и одновременно вникали в существо предстоявшей военно-дипломатической работы. Лев Каменев, по сообщению в Ставку генерал-квартирмейстера 5-й армии, провел длительную беседу с офицерами штаба и рассказал, что делегаты «не имеют полномочий заключения перемирия, а имеют задачи выяснить условия» такового [27].

После открытия переговоров Владимир Ленин и Лев Троцкий в разговоре по прямому проводу – на той стадии они, как правило, вдвоем инструктировали делегатов – еще раз настоятельно напомнили им: «Было категорически условлено, именно, что подписание Вами перемирия без обсуждения здесь (в Петрограде) абсолютно недопустимо» [28].

В Двинске же местные офицеры заметили, что «члены делегации… крайне внимательно относятся ко всем указаниям и пожеланиям оперативно-технического характера», намерены их принять и проводить в жизнь [29]. Иными словами, большевистское руководство, только что вступившее на государственную стезю, направило делегацию пока что с зондажными целями, чтобы примериться к возможностям и перспективам дальнейших переговоров. При этом за недостатком времени и соответствующего персонала не были подготовлены даже рутинные в таких случаях документы.

Делегация прибыла в Брест налегке, не имея разработанного проекта перемирия. На первом заседании 20 ноября (3 декабря) советские уполномоченные намеревались выступить на пробу с политико-пропагандистскими речами по заранее подготовленному конспекту. В нем говорилось: «Мы от имени Совета Народных Комиссаров предлагаем перемирие на всех фронтах. Срок 6 месяцев. Но мы предлагаем, чтобы германское военное командование последовало нашему примеру и предложило Франции, Англии и Италии перемирие на тех же условиях, которые будут нами совместно выработаны. Если они запросят, имеем ли мы полномочия от своих союзников, ответ должен быть, что не имеем еще, поэтому и предлагаем им непосредственно обратиться к нашим союзникам… после выработки условий перемирия мы предлагаем перерыв на две недели, во время которых на наших фронтах должны быть приостановлены военные действия и передвижения войск, с целью… еще раз обратиться к союзникам с формальным предложением перемирия уже (слово неразборчиво) Германией. Наконец, в интересах агитации за это перемирие мы предлагаем немцам в этот промежуток времени разрешить провоз нашей литературы по территории, занятой германскими войсками. В случае их требования пропускать в Россию немецкую литературу ответить согласием. Относительно основ будущего мира отвечать ясно и точно, разъяснив, что мы за демократический, без аннексий и контрибуций. С новым правом нации на самоопределение. Освобождение… всех… преследуемых за борьбу за мир. Строжайшее воспрещение передачи [спиртного] при взаимном посещении солдатских окопов. Полная свобода братания. Перерыв на 1 неделю» [30].

Представив на первом заседании формулу демократического мира, советские делегаты предложили контрпартнерам со своей стороны продекларировать цели мира, что представители Четверного союза отклонили по причине военного, а не политического характера своих полномочий. Настойчивые большевики все-таки посоветовали им обратиться к своим пра-

вительствам за разрешением обсудить поставленный вопрос. Ответа правительств не последовало [31].

Не возымели действия и усилия петроградских дипломатов, направленные на преодоление противоречия между их идеей всеобщего перемирия и германским предложением о сепаратном перемирии на фронтах от Балтийского моря до Черного. По поводу этой неудачи Иоффе и Каменев докладывали Ленину и Троцкому по прямому проводу:

«Мы настолько часто подчеркивали…: для нас дело идет о перемирии на всех фронтах в целях установления всеобщего демократического мира… что немцы, наконец, заявили о недопустимости для них такой постановки вопроса, ибо они-де уполномочены только вести переговоры о перемирии с русской делегацией, делегаций других союзников России на конференции нет. На это мы еще раз предложили им параллельно с нами попытаться привлечь их» [32]. Разумеется, тщетно: Германия и державы Четверного согласия собирались сражаться друг с другом до победы.

Из поставленных советскими уполномоченными политических постулатов вступило в действие их предложение о гласности переговоров. Понадобилось создать специальную комиссию для сверки протоколов, потому что немцы норовили искусно «обработать» их «в сторону сепаратного мира», а не всеобщего, который пропагандировался большевиками [33].

Протоколы публиковались после сверки. С оговорками было достигнуто согласие на братание («дружественное сношение невооруженных солдат позади демаркационной линии»), которое, к слову сказать, наряду с агитационной составляющей стимулировало окопную торговлю с обильным поступлением от немцев спиртного в обмен на продовольствие и российское военное имущество, включая лошадей из артиллерии, а также способствовало расширению агентурных возможностей противника в рядах деморализованной русской армии [34].

На предложение о транспортировке агитационной российской литературы «с идеей мира» глава германской военной делегации начальник штаба Восточного фронта генерал-майор М. Гофман возразил, что «желание пробудить в Германии стремление к миру является излишним», ибо немцы и так готовы заключить с Россией мир, зато выразил уверенность, что провоз такой литературы в Англию и Францию будет разрешен германскими властями [35].

Проект военных условий перемирия с советской стороны составлялся специалистами до утра 21 ноября (4 декабря), когда его предстояло огласить на очередном заседании. Военные консультанты – офицеры старой армии вряд ли разделяли большевистскую идеологию. Но их желание сохранить воинскую честь перед союзниками не разошлось со стремлением советских лидеров предъявить воюющим народам идеал справедливого мира на всех фронтах. Поэтому с предельной твердостью было составлено условие, запрещавшее переброску войск с фронта на фронт, разумеется, прежде всего с германского Восточного на Западный, из тыла на фронт и даже в пределах одного фронта. К тому же при определении разделительной линии перемирия было выдвинуто дерзкое требование об очищении, согласно принципу стратегического равенства, захваченных немцами островов Моонзунда, замыкающих Рижский залив, при том, что Рига тоже была оккупирована.

По представлении русского проекта М. Гофман официально заявил, что такие условия «были бы приемлемы в том случае, если бы Германия была побеждена» [36]. В частной же беседе с Иоффе генерал (в передаче собеседника) «сказал взволнованным тоном: настаивать на этих пунктах, особенно о Моонзунде, значит срывать переговоры; если Вы будете это повторять, то нам придется воевать». От себя глава советской делегации добавил, описывая этот эпизод: «И я лично не сомневаюсь, что если мы здесь не уступим… переговоры будут прерваны». Таковы же были впечатления и опасения Каменева. «У нас в запасе заявление,

что решающий голос принадлежит Совету Комиссаров, – рассуждал он во время разговора по прямому проводу с Лениным и Троцким. – …Это именно в вопросе о Моонзунде оставляет нам свободные руки. Что касается специально Моонзунда, то агрессивный характер этого требования признается военными экспертами. Моонзунд означает срыв. Прошу принять это во внимание» [37].

Но Ленин и Троцкий были непреклонны. «Мы не можем уступить ни одного из указанных Вами двух пунктов. Просим назначить следующее свидание уполномоченных на русской территории через неделю и приехать в Петроград», – последовала их директива с напоминанием о недопустимости без консультаций в столице дальнейших шагов делегации [38].

На заседании 22 ноября (5 декабря) Иоффе сообщил контрпартнерам, будто русское Верховное командование настаивает на перерыве из-за выявившихся расхождений: немцы внесли проект перемирия от Балтийского до Черного моря, а не на всех фронтах, как предлагали советские уполномоченные. Перед отъездом делегации удалось условиться о перерыве в переговорах до 29 ноября (12 декабря) и о временном прекращении огня с 24 ноября (7 декабря) до 4(17) декабря. Перенести переговоры в Псков Гофман отказался, сославшись на свои обязанности начальника штаба в Бресте и заметив, что в Пскове пришлось бы заново устраивать коммуникационное и материально-техническое обеспечение конференции [39].

В Петрограде перерыв ушел на подготовку к завершению переговоров. Троцкий в безнадежном стремлении воплотить идею всеобщего мира направил 23 ноября (6 декабря) послам союзников и других заинтересованных стран обращение, содержавшее информацию о начатых переговорах и призыв «открыто, перед лицом всего человечества заявить ясно, точно и определенно, во имя каких целей народы Европы должны истекать кровью в течение четвертого года войны» [40]. Адресаты, как и на предыдущее обращение, 17(30) ноября, не дали ответа.

24 ноября (7 декабря) Ленин распорядился завершить комплектование группы военных консультантов представителями Ставки и штабными офицерами, как правило, из учетных подразделений (разведка) [41] от каждого русского фронта, Балтийского и Черноморского флотов, а также вспомогательным персоналом, с предписанием всем к 26 ноября (9 декабря) прибыть в Петроград «для составления редакции договора» [42].

25 ноября (8 декабря) уполномоченные делегаты выступили с докладами о переговорах в Петроградском совете и на заседании ВЦИК. 27 ноября (10 декабря), днем отъезда делегации в Брест, датирован «Конспект программы переговоров о мире», написанный Лениным, как считается, в связи с обсуждением Совнаркомом в тот день инструкции по переговорам. Конспект состоит из односложного упоминания об экономической составляющей будущего мирного договора и систематически повторявшейся в то время максимы – «без аннексий и контрибуций». Причем понятие «аннексия» истолковано хронологически расширительно, с прицелом на глобальное геополитическое переустройство, касавшееся и ранее обретенных европейскими державами колоний. Особое назначение приобрела формула о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. Если до Октябрьского переворота она выдвигалась для поддержки центробежных национальных сил против действующей российской власти, то теперь в сформулированных Лениным условиях реализации этого права (опрос населения с выводом оккупационных войск, возвращением беженцев и так далее) просматривалась задача восстановления нарушенного войной территориального состояния России [43].

В тот же день Лев Троцкий устроил заседание с делегатами, описанное присутствовавшим на нем членом группы военных консультантов подполковником Д. Г. Фокке. Троцкий, по словам мемуариста, спокоен, неразговорчив и деловит. Впрочем, «герой большевизма не только заседал, но и позировал. В его кабинете за занавеской помещался скульптор (как… говорили, Гинзбург), спешивший по заказу правительства увековечить Льва Давыдовича». При постановке задач «Троцкий короток. Он… настаивает на сохранении язвитель-

ного пункта (о Моонзунде. – *И. М.*), столь выгодного для престижа рабоче-крестьянской России. Однако… предусматривает германскую несговорчивость. Но никаких прямых директив им не дается: в случае отказа немцев он предлагает снестись с ним по прямому проводу». Не посвященный в смысл большевистской тактики, критически настроенный автор вынес общее впечатление: в течение перерыва в переговорах «ровно ничего не было подготовлено и предрешено» [44].

Тем временем дали о себе знать не предусмотренные большевиками плоды революционной и антивоенной пропаганды в стане противника. Вскоре после отъезда уполномоченных на перерыв оставшийся в Бресте секретарь делегации Л. М. Карахан телеграфировал в Петроград: «Среди немецких солдат распространяется воззвание за подписью Ленина и Троцкого, в котором, между прочим, говорится, что в случае, если немецкие солдаты принуждены будут идти на помощь тылу, то русские солдаты наступать не будут. Листовки эти распространяются в миллионах экземпляров» [45].

Чины германской делегации высказали неудовольствие сперва в пространной полуофициальной беседе. Карахан следующим образом изложил ее содержание: «Листок, распространяемый среди немецких солдат от имени русского правительства, представляет собой вмешательство во внутренние дела Германии. Германия с начала русской революции неоднократно и официально заявляла, что она… не будет вмешиваться во внутренние дела России, но… она категорически требует и для себя того же самого. Является нелояльным, что русское правительство старается возбуждать к… восстанию против того правительства, с представителями которого оно находится в переговорах, а также возбуждает к саботажу. Это двойственное отношение приводит на мысль, что кажущееся стремление русского правительства… прийти к заключению мира с Германией не представляется искренним… Листок угрожает успешному ходу переговоров и… обнадеживает противников перемирия и мира, желающих сорвать наши переговоры. Русским должно быть известно, что широкие круги в Германии сомневаются в правомочности русских вести переговоры, так как русское правительство не получило до сих пор всеобщего признания… и это… могло бы угрожать происходящим переговорам. Это вселяет сомнение в прочности положения русского правительства… в том, в силах ли оно будет заключить предполагаемые договоры с Германией» [46].

Вслед за этим 25 ноября (8 декабря) М. Гофман попросил передать в Петроград свое официальное заявление о том, что распространяемые среди солдат листовки представляют нелояльное действие против германского правительства: «Они имеют целью возбуждение германских солдат к низвержению существующего в Германии государственного строя. Это есть вмешательство во внутренние германские дела, которое [он] должен самым решительным образом отклонить. А в случае, если распространение таких листовок будет иметь место в будущем, то это серьезно угрожало бы продолжению переговоров» [47].

Карахан «ответил в том смысле, что ему не известен точный смысл воззвания и поэтому, не входя в его существо, он должен сказать, что пока русское правительство не имеет к германскому другого обязательства, кроме одного: в точности выполнять условия о прекращении боевых действий» [48]. Одновременно секретарь советской делегации запросил санкции на подготовленное им пространное официальное заявление «большого политического смысла и агитационного значения». Однако Каменев с одобрения Троцкого решил, что достаточно и сказанного, напомнив об отсутствии у секретаря полномочий как на официальные, так и на частные разговоры [49]. Гофман же дальше предупреждения о негативных для факта переговоров последствиях революционной агитации пока не пошел, потому что лидеры Четверного союза были заинтересованы не в срыве переговоров, а в замирении на востоке.

Возобновление переговоров о перемирии, предполагавшее согласование условий и подписание договора, было омрачено трагедией в русской делегации. По прибытии в Брест 29 ноября (12 декабря), до открытия конференции, во время частного совещания советской делегации свел счеты с жизнью представитель Ставки в группе военных консультантов, один из сотрудников Николая Духонина, погибшего 20 ноября (3 декабря), генерал-майор В. Е. Скалон. «Не суди меня, прости, я больше жить не могу», – написал он в прощальной записке жене [50].

«„Я ему завидую!“ – так говорили некоторые, и возражения на зависть мертвому не находилось… Слишком безжалостно подрубила корни привычной жизни Великая Российская революция», – вспоминал коллега генерала и свидетель его трагедии. Он же передал, какими фантастическими представлениями отзывались революционные события у тех, кто оказался отрезан от России немецкой оккупацией: православный священник, приглашенный из оккупированного Белостока для совершения обряда прощания, после панихиды обратился к старшине российских военных консультантов контр-адмиралу В. М. Альтфатеру, внешне, по общему признанию, похожему на отрекшегося царя: «Ваше Императорское Величество! Осмелюсь спросить, каким образом Вы сюда изволили попасть?» И несмотря на все опровержения адмирала и окружающих, батюшка перед отъездом простился со словами: «Все равно вы меня не разубедите» [51].

Переговоры возобновились 30 ноября (12 декабря) в деловой обстановке и привели к окончательному согласованию большинства условий перемирия сроком на 28 дней с автоматическим продлением и предупреждением о расторжении за семь дней. Советская сторона согласилась завершить переговоры в Бресте, не перенося их в Петроград. Без осложнений была согласована разделительная линия и установлены места пребывания районных комиссий по соблюдению перемирия, достигнута договоренность о выводе русских и турецких войск из Персии (Ирана) и возвращении русских частей из Македонии. Контрпартнеры приняли советское предложение об «организованном» братании, о транспортировке пропагандистской литературы на Запад, об обмене гражданскими пленными и инвалидами, возвращении задержанных из-за войны на чужой территории женщин и детей, об облегчении участи военнопленных, для чего было решено учредить в Петрограде совместную комиссию [52], приступившую к работе в конце декабря 1917 года [53].

Продолжение получил лишь острый спор по вопросу о непереброске войск. Большевики настаивали на ней, потому что не оставляли мысли о присоединении союзников или хотя бы неофициальном их содействии в реорганизации российской армии, чему и перед французским правительством, и перед Петроградом изо всех сил пытался помочь капитан Садуль. Правительство Франции не поддавалось на это. Зато Ленин и Троцкий, по утверждению капитана, именно его предложения положили в основу своих условий перемирия и не позволили советской делегации отступить от них ни на шаг. Троцкому такая твердость дала повод еще и к тому, чтобы вернуться к исходной мысли о революционной войне.

2(15) декабря Садуль записал, что нарком «может быть вынужден прервать переговоры, провозгласить революцию в опасности и возобновить военные действия» [54]. Тем временем советские делегаты в Бресте отстаивали намеченную программу. «Наши надежды на союзников не потеряны, – говорил Иоффе, – в зависимости от того, какие условия мы тут примем, Союзные народы могут оказать давление на Союзные правительства».

«Наоборот, – возражал Гофман, – односторонняя связанность Германии явится ободрением для Франции и Англии. Такая связанность возможна лишь до января» [55]. До 10 января 1918 года (28 декабря 1917-го) – предложил Иоффе, после чего заспорили о размере не подлежавших переброске подразделений. Гофман настаивал на формуле – «крупные подразделения силой дивизии и выше». По мнению Иоффе, это подразумевало бы допустимость перемещения на запад меньших подразделений. Он предложил спустить планку до полка.

На вечернем заседании спор пошел по пройденному утром кругу. Гофман заявил, что это односторонее и потому унизительное для Германии условие могло стать и стратегически опасным в случае присоединения к войскам Согласия американских войск. Он доказывал, что за срок перемирия невозможно перебросить армию для боя. Приобщить такое разъяснение к договору он отказался, но вместе с тем рассуждал, что предложенные ограничения легко обойти [56]. «Все, конечно, можно обойти, – возражал Каменев, – но я считаюсь с доброй волей сторон. С договором в руках мы идем на разрыв с союзниками, с которыми мы дружили три года, если они не последуют за нами в деле мира. Вот наша гарантия» [57].

Решение отложили до очередного сеанса связи советской делегации с Петроградом. В течение дня 30 ноября (13 декабря) делегаты уже информировали Владимира Ленина и Льва Троцкого о содержании спора. В 9 часов 50 минут вечера состоялся их разговор с Троцким. Иоффе сообщил, что немецкая формула «силой дивизии» ставится ультимативно. Нарком со своей стороны предложил с «ультимативной твердостью» отстаивать позицию «неперебросски войск… организованными единицами», присовокупил к этому новую аргументацию в пользу советской формулировки, «естественность и очевидность которой будет очевидной каждому солдату и каждой из воюющих армий».

«Наше требование… вызывается отнюдь не одними только надеждами на то, что союзные правительства присоединятся немедленно к переговорам, а причинами более принципиального характера, – раскрывал нарком свое глобальное намерение сразу всех избавить от испытаний войны. – Мы не хотим превращать перемирие в содействие германскому милитаризму против милитаризма других стран. Равным образом мы стремимся обеспечить действительное перемирие для братающихся с нашими солдатами немецких солдат, а не подготовить для них только перемещение на другую бойню». Доводы немецкого генерала нарком назвал «чепухой», а его требования – «формальными, адвокатскими» и на свой лад осветил «сущность дела», состоявшую будто бы в том, «что немцы, понимая психологическую невозможность для их армии наступать на Россию и не рассчитывая поэтому на возобновление операции на нашем фронте, хотят при нашем попустительстве произвести лишний натиск на итальянцев и французов». «Мы все уже говорили, – в ответ взмолился Иоффе, – если настаиваете, то мы эту формулировку утром повторим» [58].

1(14) декабря в 20 часов 50 минут Карахан передал Троцкому, что после длительного обсуждения, потребовавшего перерыва для запроса правительствам стран Четверного союза, они приняли обязательство «до 30 декабря 1917 г. не производить никаких оперативных воинских перебросок… за исключением тех, которые… были уже начаты» [59]. Последней была согласована разделительная линия на Балтике, причем таким образом, что мешала подходу немцев с моря к Моонзундским островам, хотя об очищении их, разумеется, речи не было [60]. 2(15) декабря договор о перемирии с 4(17) декабря сроком на 28 дней с возможностью дальнейшего продления был подписан, о чем Иоффе и Каменев немедленно сообщили Троцкому [61].

Верховный главнокомандующий Николай Крыленко специальным приказом немедленно оповестил об этом все подразделения действующей армии, пообещав в нем: «Еще немного и давно желанный мир заменит ужасы войны» [62]. В Петрограде были довольны, что не поступились важным для себя условием о неперебросске войск. В Берлине, в свою очередь, не чувствовали от этого большого ущерба, так как заранее провели необходимые перемещения.

На первом же после перерыва заседании стороны пришли к согласию о том, что переговоры о мире начнутся сразу вслед за заключением перемирия. Причем, как сообщал в правительство Карахан, руководители дипломатических ведомств стран Четверного союза изъявили готовность выехать немедленно в Брест, чтобы быть на месте к моменту подписания перемирия в том случае, если с российской стороны приедет равный им по должности Лев

Троцкий. Советская делегация согласилась сразу перейти к переговорам о мире, начать их в Бресте, но завершить на нейтральной территории. На вопрос Карахана, когда Троцкий приедет в нейтральный Стокгольм, если не сможет быть в Бресте, нарком ответил, что его приезд вообще невозможен ввиду предстоявшего вскоре начала работы Учредительного собрания (в те дни большевики уже отсрочили открытие Учредительного собрания, назначенное ранее Временным правительством на 28 ноября (11 декабря) 1917 года), на котором ему необходимо представлять внешнюю политику советской власти [63].

Вечером 30 ноября (13 декабря) после трудных дискуссий с контрпартнерами Каменев в разговоре с Троцким вновь стал объяснять важность его приезда, в противном случае настаивал на пополнении делегации консультантами историком Михаилом Покровским и специалистом по Востоку Михаилом Павловичем (Михаилом Вельтманом), иначе, по его словам, «ситуация будет сильно ослаблена» [64].

Непосредственные участники и свидетели переговоров о перемирии с российской стороны, каких бы политических взглядов они ни придерживались, после завершения их поняли, что переговоры о мире, вопреки всевозможным слухам о «немецко-большевистском сговоре», будут «настоящими». «Мы, – вспоминал Фокке, – отдавали себе лучший отчет о характере „связи“ Смольного с Берлином, о которой в понятном патриотическом рвении кричало в России всё, что после переворота оказалось правее большевиков. Нам в Бресте было совершенно очевидно, что… Кошка – Германия будет играть зарвавшейся Мышью – Смольным, имея за собой все преимущества и военной силы, и дипломатических способностей» [65].

Германская сторона, в свою очередь, считала помехой предстоявшим переговорам отсутствие у контрпартнеров дипломатической подготовки [66]. Тем более чувствовали это советские уполномоченные. 1(14) декабря они вновь телеграфировали Льву Троцкому: «Еще раз просим уведомить, будет ли усиление делегации и кем» [67]. На следующий день Каменев сообщил Троцкому по прямому проводу: «Договор заключен. По всем пунктам достигли согласия… пока хотели договориться относительно мирных переговоров. По-видимому, будет перерыв два или три дня, т. к. болгарин и турок не успеют раньше получить полномочия… Здесь весьма заинтересованы [в] вашем прибытии… в этом случае от них тоже будут министры иностранных дел и [великий] визирь. [В] частных разговорах доказывают: имело бы весьма важное политическое значение, если бы вы сами изложили свою программу мира» [68].

«Если переговоры начнутся здесь без вас, – добавил Иоффе, – Л[ев] Б[орисович] и я настаиваем на присылке подкрепления для справок историко-статистического, правового свойства, хорошо бы иметь Покровского и дипломата-эксперта. Желателен барон, автор письма к Горькому» [69]. Очевидно, имелся в виду барон Б. Э. Нольде, предложивший свои услуги в переговорах. Он, по свидетельству коллег, был «ультрареалистом» и в сложившейся обстановке считал единственно реальной международно-политическую программу большевиков: потому они и оказались у власти [70].

Но большевистским лидерам пока не требовались профессионалы. Для начала они хотели повторить тактику, испытанную в переговорах о перемирии. Лев Троцкий ответил Адольфу Иоффе и Льву Каменеву: «Мы настаивали на первоначальном плане. В течение 1-2-х дней вы обмениваетесь с противной стороной основными предпосылками будущего мирного договора, чтобы затем после перерыва в несколько дней встретиться на нейтральной почве… С Михаилом Николаевичем [Покровским] уже сговорился. Он выедет после перерыва вместе с вами в Стокгольм. Что касается программы мира, то мне остается только перевести мою брошюру на турецкий язык и послать ее великому визирю». По поводу приглашения в делегацию Нольде – специалиста по международному праву с европейским именем, члена международного Третейского суда в Гааге, награжденного французским орденом

Почетного легиона, нарком – выпускник реального училища в Николаеве – сообщил: «Барон был у меня. Не произвел внушительного впечатления. Его экспертиза может иметь чисто канцелярский, бюрократический характер. Вряд ли мы в этом нуждаемся. Он предлагает в порядке официальной инициативы вступить в переговоры с союзниками и выехать в Стокгольм. С ним целая группа буржуазных пацифистов. Я отказал наотрез. В качестве члена нашей делегации он явился бы совершенно инородным телом» [71]. Этот первоклассный знаток международных отношений и при всем своем остзейском происхождении – патриот России искренне сокрушался потом над «варварством» большевистских делегатов, которые «вели переговоры так, как, вероятно, в истории никакие переговоры не велись» и в результате не сумели даже в пределах возможного защитить интересы России [72].

Между тем ко времени заключения перемирия в переговорах России с государствами Четверного союза дал о себе знать украинский фактор.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См: Набоков В. Д. Временное правительство // Архив русской революции (АРР). – М., 1991. Т. 1. С. 41.

2. Могилянский Н. М. Украина во время войны // ГАРФ. Ф. 5787. Оп. 1. Д. 28. Л. 53.

3. Набоков В. Д. Временное правительство // Архив русской революции (АРР). – М., 1991. Т. 1. С. 47; Михайловский Г. Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства 1914–1920. – М., 1993. Кн. 2. С. 44.

4. Ставка 25–26 октября 1917 г. // АРР. – М., 1991. Т. 7. С. 281; Верховский А. И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914–1918 гг.) // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 7. – С. 65.

5. Будберг А. Дневник // АРР. – М., 1991. Т. 12. С. 226, 235.

6. См.: Мировые войны XX века. – М., 2002. Кн. 1. С. 282.

7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114, 129.

8. Архив внешней политики Российской федерации (АВП РФ). Ф. 413. Оп. 1. Д. 2. П. 1. Л. 10–11.

9. Там же. Л. 15.

10. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 2.

11. Ставка 25–26 октября 1917 г. // АРР. – М., 1991. Т. 7. С. 304; Октябрь на фронте // Красный архив. – 1927. – № 4. – С. 157.

12. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 16–17.

13. Троцкий Л. Моя жизнь. – М., 2001. С. 334–335.

14. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. Д. 993. П. 70. Л. 2, 6.

15. Троцкий Л. Моя жизнь. – М., 2001. С. 335.

16. Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 – январь 1919). – М., 1990. С. 63.

17. Там же. С. 64.

18. Там же. С. 37.

19. Там же. С. 58.

20. Там же. С. 36–37.

21. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 6–7; Государственный архив Российской федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–2.

22. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 82.

23. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 8-об, 12.

24. РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

25. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 21, 22.
26. Фокке Д. Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // АРР. – М., 1993. Т. 20. С. 8–9.
27. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 91.
28. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 6. П. 1. Л. 18-об.
29. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 91–92.
30. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 5. П. 1. Л. 10.
31. Там же. Д. 6. П. 1. Л. 1, 7.
32. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 6. П. 1. Л. 17-об.
33. Мстиславский С. Брестские переговоры. – СПб., 1918. С. 43.
34. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 230, 262, 266 и др.
35. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 1. Л. 11, 27–28.
36. Там же. Д. 6. П. 1. Л. 1.
37. Там же. Л. 18-18-об.
38. Там же.
39. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7. П. 1. Л. 3–5; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 199–204.
40. Документы внешней политики СССР. – М., 1959. Т. 1. С. 41–12.
41. См.: Самойло А. Две жизни. – М., 1958.
42. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 117–118.
43. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 121–122, 461.
44. Фокке Д. Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // АРР. – М., 1993. Т. 20. С. 65, 66.
45. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 18. П. 2. Л. 16-об.
46. Там же.
47. Там же. Л. 35-35-об.
48. Там же. Л. 16.
49. Там же. Л. 20, 22, 28, 29.
50. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 193.
51. Фокке Д. Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // АРР. – М., 1993. Т. 20. С. 72, 78–79.
52. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–3, 7–9, 11; ДВП СССР. Т. 1. С. 47–52.
53. Материалы Смешанной русско-германо-австрийской комиссии в Петрограде см.: АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 111–119, 124. П. 8; Ф. 496. Оп. 1. Д. 1. П. 8; Д. 5. П. 52; Д. 11. П. 119 и др.
54. Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 – январь 1919). – М., 1990. С. 120–126.
55. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 10. П. 1. Л. 3–4.
56. Там же. Л. 62, 69.
57. Там же. Л. 22.
58. Там же. Л. 71, 72.
59. Там же. Д. 11. П. 1. Л. 8-об.
60. ДВП СССР. Т. 1. С. 47–52.
61. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 12. П. 1. Л. 76.
62. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 89. Л. 7.
63. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 10. П. 1. Л. 64, 65.
64. Там же. Л. 65.
65. Фокке Д. Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // АРР. – М., 1993. Т. 20. С. 96.

66. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сборник документов. – М., 1968. Т. 1. С. 110, 117.

67. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 11. П. 1. Л. 16.

68. Там же. Д. 12. П. 1. Л. 75.

69. Там же. Л. 77.

70. Михайловский Г. Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства 1914–1920. – М., 1993. Кн. 2. С. 46, 47.

71. АВП РФ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 11. П. 1. Л. 77-77-об.

72. Нольде Б. Э. Политическая карта Брестских договоров // Международная политика и мировое хозяйство. – Петроград, 1918. – № 2. – С. 3–13; Михайловский Г. Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства 1914–1920. – М., 1993. Кн. 2. С. 85, 87.

Глава 2
ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ. ЕЕ ИСХОДНЫЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ

Февральская революция и национально-территориальная автономия Украины. – Свержение Временного правительства в Петрограде и установление власти Украинской центральной рады в Киеве. – Центробежные силы и федеративные проекты. – 7(20) ноября 1917 года – день учреждения Украинской народной республики как субъекта будущей федерации. – Драма Николая Духонина и власти Украинской республики. – И. В. Сталин – Н. В. Порш: зондажный контакт ради приглашения Киева к диалогу с большевистским Петроградом на началах советизации Украины. – Стихия локальных перемирий – угроза намерению правительства Украинской народной республики соблюсти союзные обязательства перед державами Согласия и одновременно повод определиться с формулой мира. – «Черная кошка» донской контрреволюции между Советом народных комиссаров и Генеральным секретариатом. – Украинские наблюдатели в Бресте: первые контакты с сотрудниками делегаций Четверного союза. – Провозглашение Украинского фронта и углубление конфликтности отношений Киева и Петрограда.

Украинское национальное движение не отличалось массовостью в дореволюционной России. Февральская революция открыла ему перспективу беспрепятственного осуществления намеченной ранее программы: школьное обучение украинских детей на родном языке, введение национального языка в практику местной администрации и судопроизводства, развитие украинской печати, книгоиздательства, театра – всего того, что вместе с повышением общего культурного уровня должно было углубить национальное самосознание украинских масс, готовя их к осмысленному политическому выбору.

В первое время либерально-демократические деятели, до революции игравшие ведущую роль в украинском движении, приступили к реализации этой программы в согласии с Временным правительством, которое не считало себя вправе определять характер государственного строя, в том числе будущий статус Украины. Однако признанный лидер украинства в России профессор Михаил Грушевский, до революции тоже либеральный демократ, в течение 20 лет преподававший историю в университете Львова, в то время – центра провинции Галиция в Австро-Венгрии, признал возможным в обстановке полной политической и национальной свободы форсировать национально-политический процесс. Сделав в новых условиях своей главной опорой украинских эсеров (с ними профессор особенно сблизился) и украинских социал-демократов, он приступил к выполнению кардинальной политической задачи движения – формированию национальной государственности сначала в виде национально-территориальной автономии Украины в России, которую предполагалось преобразовать в договорную федерацию.

Автономия мыслилась с самостоятельными внешнеполитическими функциями, в том числе с собственной делегацией на будущей мирной конференции, со своими вооруженными силами. Причем Временное правительство, поддавшись иллюзии о том, что с образованием однородных по этническому составу частей удастся поднять боеспособность уставшей от войны армии, легко согласилось на проведение в ней украинизации.

Украинские лидеры предлагали признать в качестве представительного органа автономии Украинскую центральную раду под председательством Михаила Грушевского – коали-

ционный совет, образованный из выдвиженцев украинских партий, общественных и корпоративных организаций, первоначально предназначавшийся для координации национального движения и пополнявшийся по мере проведения различных профессиональных и региональных украинских съездов избранными на них делегатами. Временное правительство считало созданную таким образом Раду не более чем общественной организацией. В принципе оно возражало против немедленного учреждения автономии, полагая, что этот вопрос подлежит ведению образуемого всенародным избранием Учредительного собрания.

Однако руководящее ядро Центральной рады форсировало вопрос об автономии, ссылаясь на многочисленные требования украинских съездов крестьян, военнослужащих и так далее. Принятия на этих съездах резолюций с такими требованиями нетрудно было добиться, ибо крестьянское в основном население, которое ожидало от революции в первую очередь аграрных преобразований и окончания войны, встретившись с бездействием петроградского правительства в первом вопросе и, напротив, с наращиванием военных усилий во втором, готово было связать свои чаяния с неведомой пока украинской властью. «Автономия Украины и вообще национальные требования, – писал украинский деятель с большим дореволюционным стажем, в дальнейшем известный историк украинского зарубежья Д. И. Дорошенко, – преподносились массам как своего рода выкуп, цена за панскую землю: хочешь получить панскую землю даром – требуй автономии!» [1]. Антивоенные настроения частично получали выход в украинизации армии: переформирование подразделений, предназначенных к украинизации, предоставило многим солдатам-украинцам шанс перебраться с других фронтов на Украину, ближе к дому, многим отпускным и запасным – уклониться от немедленной отправки на фронт.

10 июня 1917 года Украинская центральная рада своим I Универсалом (актом конституционного значения) провозгласила национально-территориальную автономию Украины, вскоре, после напряженных переговоров, фактически признанную Временным правительством в пределах пяти губерний. В качестве исполнительного органа был образован Генеральный секретариат, роль которого Временное правительство стремилось свести к наблюдательным функциям, за что пропаганда Рады отчаянно критиковала центральную власть.

Между тем сомнения в готовности к государственной работе бередили душу некоторых украинских лидеров. «Есть ли у нас столько сил… есть ли у нас столько рук, чтобы направить их на эту тяжелую работу? – задавался вопросом в своем дневнике (запись 19 июля 1917 года) глава Генерального секретариата – известный украинский писатель и лидер Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП) В. К. Винниченко. – Сердце сжимается от тревоги, печали и страха: а что, если не поднимем? Не сможем взять того, что судьба так неожиданно, фантастически бросила нам под ноги?» [2]. Провозглашение Украинской центральной рады высшим органом автономии заставило включить в ее состав по ограниченным квотам представителей общероссийских, а также еврейских и польских социалистических партий.

В политических столкновениях деятелей Рады с Временным правительством руководство большевиков в течение 1917 года обычно выступало на стороне украинцев, видя в них разрушителей установленной Февральской революцией системы. В критические дни октября выяснилось, что украинские политики не прочь были руками петроградских повстанцев избавиться от опеки ненавистного им Временного правительства. Чтобы не допустить переброски в Петроград верных правительству войск с Юго-Западного фронта, они достигли соглашения с киевскими большевиками. На широкой основе был создан Краевой комитет защиты революции.

Центральная рада призвала все местные административные органы, в том числе в губерниях Новороссии и Слобожанщины (юг и восток современной Украины соответственно), не включенных ранее в состав автономии, подчиняться Краевому комитету. Одно-

временно Малая рада – постоянно действующий между сессиями выборный комитет Центральной рады – в своей резолюции от 26 октября (8 ноября) высказалась против восстания в Петрограде и пообещала «упорно бороться со всеми попытками поддержки этого восстания на Украине» [3].

Возмущенные большевики вышли из Краевого комитета и Малой рады, а командование Киевского военного округа, сохранившее за собой с согласия Малой рады военную власть, с помощью верных Временному правительству частей разгромило помещение городского Совета рабочих депутатов, чем вызвало в Киеве большевистское восстание.

В конечном счете дело поддержки свергнутого Временного правительства было обречено. Его защитники оставили город. Но и у киевских большевиков не оказалось достаточно сил для полной победы. В результате украинские лидеры, став над схваткой в решающий момент, 1(14) ноября объявили, что Украинская центральная рада единолично приступает к организации высшей краевой власти на Украине.

Обстановка, казалось, благоприятствовала претворению в жизнь программы Михаила Грушевского о формировании национальной государственности через стадию автономии, чтобы затем превратиться в самостоятельный субъект в разбитой на федеративные единицы России. В Киеве стало известно о прекращении в центре последних усилий по восстановлению власти Временного правительства; дошли сведения и о разногласиях внутри большевистского руководства, что ослабляло его претензии на роль центрального правительства.

Предметом особого внимания украинских лидеров был ранее проявившийся уже сепаратизм отдельных народностей и областей. Так, еще 4(17) октября Войсковая рада кубанских казаков в Екатеринодаре огласила проект управления Кубанской республикой, согласно которому она является «равноправным членом Союза народов, населяющих Россию: Республика имеет при центральной власти своего посла, именуемого контролером… Законодательная рада избирается немедленно… лишь правомочным населением области – казаки, горцы, крестьяне-общинники, члены земельных товариществ». Присутствовавший при этом комиссар Временного правительства назвал предложенный проект федеративной республики узурпаторским по отношению к Учредительному собранию, антидемократическим и цензовым, лишающим избирательных прав иногороднее население Кубани [4].

20 октября (3 ноября) был образован Юго-Восточный союз казачьих войск (включавший войска Донское, Кубанское, Терское, Астраханское. – *И. М.*), горцев Кавказа и вольных народов степей, декларировавший в союзном договоре «достижение скорейшего учреждения Российской Демократической Федеративной Республики с признанием членов Союза отдельными ея штатами». В связи с большевистским переворотом Войсковой круг на Дону вынес постановление о том, что «Войсковому правительству впредь до образования законной Всероссийской Государственной власти принадлежит вся полнота исполнительной Государственной власти в пределах области» [5]. Это заранее поставило сепаратистов войска Донского во главе с атаманом Алексеем Калединым в конфронтацию с учрежденным на основании решений Второго съезда Советов в качестве всероссийского правительства Советом народных комиссаров.

Наконец, украинские лидеры сразу были проинформированы о попытках небольшевистских социалистических групп договориться о создании «однородно-социалистического правительства от большевиков до народных социалистов». Их лидеры собрались в ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве. Прибыл, по словам очевидца, «целый вагон: Чернов, Гоц, Дан и др. Беспрерывные заседания: эсеры, Викжель, молодые офицеры-комиссары» [6].

Украинские лидеры, представлявшие Центральную раду как раз такой «однородно-социалистической» властью, тоже получили приглашение в ставку. Но они полагали, что общероссийское правительство должно создаваться «не из центра, который раз-

валивается, а от тех окраин, которые еще здоровы» [7]. В итоге 6(19) ноября посланные в ставку украинские представители – умеренные демократы из Украинской партии социалистов-федералистов (УПСФ) Д. И. Дорошенко и А. И. Лотоцкий согласовали с Николаем Духониным при посредстве антибольшевистского Общеармейского комитета лишь вопрос переформирования фронтовых частей с целью образования украинской армии по этническому и территориальному признаку [8].

Дорошенко оставил ностальгические воспоминания о тех проведенных в ставке днях незадолго до захвата ее большевиками: «В бывших апартаментах Верховного главнокомандующего пусто и неуютно. Угасание грозы армии и защищаемого ею великого государства. Здесь в этом доме билось сердце великой армии. Оно билось теперь все слабее и слабее и вот-вот остановится. Что будет дальше?… „В кабинете горел ярко камин и при его красном свете беседовали Духонин, Вырубов (помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего по гражданским делам. – *И. М.*) и Лотоцкий. Никому из нас не приходило в голову, что над этим красивым, полным сил генералом смерть уже занесла свою косу“» [9].

На фоне всех этих событий 7(20) ноября в Киеве, сразу после закрытия очередной сессии Центральной рады, по решению Малой рады в чрезвычайном порядке голосами 42 ее членов из 47 был принят III Универсал, в котором говорилось: «Во имя создания порядка в нашем крае, во имя спасения всей России оповещаем: Отныне Украина становится Украинской Народной Республикой. Не отделяясь от республики Российской и сберегая единство ее мы твердо станем на нашей земле, чтобы силами нашими помочь всей России, чтобы вся республика Российская стала федерацией равных и свободных народов» [10].

Собравшиеся в Могилеве политики восприняли III Универсал, по словам украинского представителя, «с большим волнением, но протеста он не вызвал» [11]. Тем не менее их политические переговоры с украинцами, лишь вскользь упоминавшиеся, но не освещенные в опубликованных документах Центральной рады [12] и вовсе не упомянутые Дорошенко, не получили никаких последствий: вряд ли общероссийские партии могли принять украинскую концепцию расчленения России для создания договорной федерации. Во всяком случае лидер эсеров Виктор Чернов, которого прочили главой «однородно-социалистического» правительства, не ответил на переданный ему украинский проект, а представитель Викжеля – профсоюза железнодорожников, широко известного активной политической ролью в событиях Октябрьской революции, посоветовал Киеву не настаивать на своих предложениях. Правительство же Центральной рады со своей стороны отклонило идею сделать местом пребывания федеративной власти Киев [13].

Невольной жертвой этого противоречия между украинскими и российскими антибольшевистскими политиками, одинаково декларировавшими приверженность демократии, стремление предотвратить анархию и гражданскую войну, стал генерал Николай Духонин. Вступив в должность Верховного главнокомандующего после бегства Александра Керенского и успеха большевиков в Петрограде, послужившего для фронтовых солдатских масс мощным сигналом к окончанию войны, он не располагал сколько-нибудь достаточной численностью надежных войск, чтобы непосредственно и решающим образом повлиять на внутриполитические события. Тем острее он чувствовал свою ответственность за организацию отпора в случае возможного прорыва противником безмерно ослабленного революционными событиями фронта и видел свою задачу в том, чтобы не допустить массового стихийного бегства войск, чреватого анархией и обострением внутренних конфликтов.

Уже отстраненный народными комиссарами от командования, он передавал штабам фронтов последние директивы, направленные на предупреждение военной катастрофы на линии обороны вследствие стихийной демобилизации и на недопущение гражданской войны. 14(27) ноября – штабу Северного фронта: «В том крайнем случае, если связь со Ставкой будет окончательно потеряна… обстановка на фронтах сложится так, что армии, потеряв

свою устойчивость, откроют фронт, то пределом их движения в тыл должны служить Наровская позиция, озеро Чудское, Псков-Островские позиции и укрепленная позиция, прикрывающая направление на Бологое – Москва. Обеспечение этого фронта должно заключаться в прочном удержании важнейших путей и нашего господства над путями, идущими с запада на восток» [14].

В дополнение к этому – 15(28) ноября вечером: «Если деморализация войсковых масс… приведет к самочинному срыву занимаемых позиций… и к началу гражданской войны, то при недостатке войск, верных долгу для выполнения задачи, указанной Вам 14 ноября… Вам надлежит с верными национальной чести российскими войсками прикрывать направление Псков – Бологое, обозначивая подступы к Москве с севера и северо-запада, имея в виду, что Россия будет продолжать борьбу до решения Учредительного собрания или правительственной власти, опирающейся на большинство страны. Левее Вас в этой крайней обстановке, прикрывая пути с запада на Москву в районе Невель – Витебск – Орша, образуется группа 17-го и 22-го корпусов и 2-й кубанской дивизии… В задачу их… входит присоединить к себе части Западного фронта, если бы этот фронт поддался также полной деморализации.

Силой оружия людей, покидающих самовольно фронт, когда он сдвинется с места и хлынет вглубь страны, не пропускайте вглубь России… или предварительно обезоруживайте их. В этой крайней обстановке мы должны спасти Москву и пол-России от гражданской войны» [15].

16(29) ноября Николай Духонин сообщал командующим Юго-Западным и Румынским фронтами: «Получаемые сведения как от разведки фронтов, так и от агентурной разведки заставляют предполагать возможность перехода противника к активным действиям в ближайшее время на Румынском фронте и, возможно, на Юго-Западном фронте… преследуя цель овладения Бессарабией, Одессой и каменноугольными Донецкими районами. Необходимо принять все меры… дабы своевременно обнаружить намерения противника» [16].

17(30) ноября, когда отстраненному главнокомандующему стало известно о движении к Могилеву эшелонов с революционными балтийскими матросами, он обратился к правительству Украинской народной республики за разрешением перевести Ставку в Киев. Генеральный секретариат, неспешно рассмотрев вопрос, сначала хотел передать его на обсуждение Рады; на следующий день все-таки решил «удовлетворить просьбу Ставки переехать на Украину, но не в Киев, а в Чернигов или Нежин» и не сразу, а после официального обращения к секретариату и при отсутствии в Ставке деятелей Временного правительства и, напротив, с условием образования при ней комиссариата из представителей правительств отколовшихся народов и областей [17].

Но времени для выполнения предложенных условий, не говоря об их содержании, не осталось. 18 ноября (1 декабря) Николай Духонин с тревогой сообщал командующему Румынским фронтом генералу Д. Г. Щербачеву, что «Рада до сих пор не дала ответа», а стоявшие в Могилеве подразделения задерживают отправку имущества Ставки. Одновременно представитель итальянской военной миссии при Ставке сообщил, будто союзники решили признать отдельный от них выход России из войны. Духонин отменил свой выезд из Могилева вместе с союзническими миссиями. Но информация не подтвердилась [18].

19 ноября (2 декабря) в Могилев прибыл генерал-майор Одинцов, с ведома Совнаркома командированный Генеральным штабом «для ориентации Ставки в обстановке в Петрограде для соглашения Ставки с Петроградом» [19]. После встречи генерала Одинцова с выступавшим от Ставки поручиком В. Шнеуром генерал передал назначенному Совнаркомом главнокомандующим Николаю Крыленко, что «Ставка сдается» и он «может свободно приехать для вступления в должность». Новый главнокомандующий прибыл 20 ноября (3 декабря).

Арестованного Духонина должны были отправить в Петроград, для чего поместили в поезд командующего на станции Могилев. По свидетельству Одинцова, Крыленко отдал охране строгий приказ о предотвращении эксцессов – если понадобится, даже пулеметным огнем – и направился в Ставку, но должен был вернуться, так как на станции возникла опасность самосуда над Духониным. Сначала Крыленко удалось уговорить толпу разойтись, удовлетворившись выдачей ей сорванных с генерала погон. Но вскоре депутация матросов вновь потребовала выдачи ей самого Духонина. Пока Крыленко уговаривал депутацию, вооруженная толпа начала штурм вагона с противоположной стороны [20].

Популярная правая газета «Киевлянин» со ссылкой на газету Рябушинских «Утро России» сообщила 28 ноября (11 декабря), будто в момент убийства в толпе находился матрос, никому не известный; на самом деле – переодетый матросом офицер австрийской службы. В номере от 7(20) декабря один из авторов «Киевлянина» уточнил, будто судьбой Духонина распорядился германский шпион Тауэр (или Тоулер) «из числа 18 немецких офицеров, заседавших в Смольном при обсуждении и исполнении захвата власти большевиками». Издатель «Киевлянина» В. В. Шульгин в своих поздних воспоминаниях утверждал, будто узнал об этом в ноябре 1917 года от некоего приехавшего из Ставки генерала «по медицинской части» [21]. Соратники Духонина, похоже, не разделяли конспирологической версии его гибели [22].

«Матросы отряда Павлова, несмотря на мою попытку с риском [для] собственной жизни, вырвали Духонина и убили, – передал Крыленко 21 ноября (4 декабря) по прямому проводу в Петроград. – Сейчас с трудом поддерживаю порядок. Боюсь самочинных действий. Вызываю войска литовского эшелона» [23].

24 ноября (7 декабря) Николай Крыленко не без смущения сообщал Льву Троцкому: «В связи с убийством Духонина необходимо юридическое оформление дела, акт дознания по моему предложению совершен. Тело отправлено в Киев. Если передать дело судебному следователю, обязательно вскрытие в Киеве, даже вплоть до выкапывания. Предлагаю прекратить дело постановлением государственной власти… Акты дознания достаточно реабилитируют от всяческих кривотолков… но возбуждение дела с обязательными допросами матросов едва ли целесообразно» [24].

Троцкий не мучился сомнениями. «Было бы бессмысленно и преступно передавать дело в руки судебных чиновников старого закала, – ответил он главковерху. – Если необходимо, можете передать дело революционному суду, который должен быть создан демократическими солдатскими организациями при Ставке и руководствоваться не старой буквой, а руководствоваться революционным правосознанием народа» [25].

В свое время лидеры Украинской центральной рады враждовали с Временным правительством, форсируя национально-административное обособление края. Когда этот вопрос был решен, они по существу переняли многие основные параметры внутренней и внешней политики Временного правительства: политическую демократию парламентского типа для всего спектра центро-левых партий, ограниченность и неспешность намеченных социальных преобразований, сохранение союзнических обязательств во внешней политике с непременным, по условиям времени, риторическим добавлением о принуждении к миру и союзников, и противников и так далее [26].

Платонические декларации при фактической пассивности правительства Украинской центральной рады в вопросе о мире поставили его в фокус внимания держав Согласия, которые оказались перед намеченной большевиками неблагоприятной для Запада перспективой скорого выхода России из войны и были заинтересованы в сохранении до весны хотя бы украинской части российского фронта.

В Киев после захвата большевиками Ставки перебрались военные представители союзников. Англия и Франция намекали на возможность обменяться официальными дипло-

матическими миссиями. Французы предлагали предоставить денежный заем, прислать инструкторов для реорганизации украинских воинских частей, налаживания транспорта и так далее [27]. В киевских правительственных кругах ориентации на Антанту придерживалась Украинская партия социалистов-федералистов, видный деятель которой А. Я. Шульгин возглавлял Генеральный секретариат межнациональных (с декабря 1917 года – международных) дел. На Антанту была также ориентирована Украинская социал-демократическая рабочая партия, представленная в первом составе правительства такими ключевыми фигурами, как председатель Генерального секретариата Винниченко, секретарь по военным делам С. В. Петлюра, секретарь труда Н. В. Порш, секретарь по судебным делам М. С. Ткаченко.

Украинских лидеров не смущала неудача такой политики в масштабах всей страны. Свой край в противоположность вздыбленной революцией Великороссии они намеревались сохранить «оазисом порядка». Однако это благостное пожелание невозможно было осуществить росчерком пера. Край был связан со всей страной единым экономическим, финансовым, коммуникационным пространством и тысячью других нитей, включая близость модели социального, политического поведения населения и прочее. Большевистское руководство лучше это понимало и разными средствами способствовало радикализации настроений и расширению своего влияния на Украине. Оно, в частности, отклонило проект Юго-Западного областного комитета РСДРП преобразоваться в Социал-демократическую партию Украины, чтобы противостоять Украинской социал-демократической партии с ее, по словам киевских большевиков, «шовинизмом… порождающим рознь среди пролетариата» [28].

«Создание особой партии Украинской, как бы она ни называлась… считаем нежелательным. Иное дело созыв краевого съезда или конференции… как обычный съезд нашей партии. Ничего нельзя было бы возразить против наименования области не Юго-Западной, а Украинской», – последовал ответ Якова Свердлова от имени ЦК РСДРП(б) [29].

Единство финансовой системы открывало для Петрограда возможности путем управления денежными потоками влиять на социальную ситуацию на Украине. Поскольку лидеры Украинской центральной рады намеревались выполнять военные обязательства перед державами Согласия, они спешили с формированием украинской армии. Большевистское руководство на первых порах одобрило образование национальных частей, в том числе украинских [30], несмотря на то что Петлюра в своих обращениях к воинам-украинцам, выпущенных 11(24) ноября, призывал их, не считаясь с распоряжениями правительства народных комиссаров, немедленно возвращаться на Украину. С 21 ноября (4 декабря) в край стали прибывать украинизированные подразделения из разных военных округов и фронтов. Только из петроградского гарнизона приехало до 9 тыс. человек [31].

В течение ноября украинизация шла медленнее, чем хотелось Киеву, по ряду объективных обстоятельств: по причине нешуточных транспортных проблем, из-за необходимости заполнять оставляемые украинцами участки фронтов и непростого в человеческом плане процесса украинизации назначенных для этого этнически неоднородных частей. Еще в октябре 1917 года генерал Николай Духонин докладывал в Генеральный штаб: «Прибыла депутация 104 арт[иллерийской] бригады, входящая в состав 34 корпуса, украинизируемого, которая категорически и наотрез заявила о своем нежелании украинизироваться. Вообще Украинский комитет проявляет очень много произвола» [32].

7(20) ноября В. В. Вырубов из Ставки телеграфировал Петлюре: «21 и 28 корпуса, находящиеся на позициях [Северного фронта], получили приказания Украинской центральной рады немедленно отправиться на Украину и, если их не отпустят, то уйти силой» [33]. Энергичный «Большой совет украинцев 21 корпуса», украинские рады отдельных дивизий и сам Симон Петлюра потом рассылали свои требования в разные российские и украинские инстанции [34]. Но в 21-м корпусе служили далеко не только украинцы.

Если они спешили к себе домой, то у остальных «малой родиной» были другие места. Вот что сообщал 29 ноября (12 декабря) в Ставку о причинах задержки один из командармов: «Перевозке 21 корпуса [на] Юго-Западный фронт не встречается препятствий, но полагал бы раньше закончить украинизацию 21 корпуса, для чего нужно спешно опубликовать соглашение Ставки с Радой, чтобы все войска знали и все украинцы возможно скорее пополнили этот корпус. Корпус, конечно, необходимо заменить другим, с Юго-Западного фронта» [35]. О том же речь шла в сводке о положении на Северном фронте: «Настроение [21] корпуса очень нервное. Конфликт с Радой рассматривается массами как разногласия верхов. На вооруженное столкновение массы не пойдут» [36]. Однако локальные стычки имели место.

В некоторых случаях украинизация повела к фатальным в военном отношении последствиям. Так, развал обороны Ревельского укрепленного района начался с требования Украинской революционной рады в середине ноября, чтобы комендант крепости отпустил всех великороссов из находившейся там украинизированной дивизии в месячный отпуск, что послужило массовому самовольному уходу солдат по домам. Украинцев же осталось так мало, что некому было обслуживать батареи даже одного артиллерийского полка дивизии [37].

Политики Центральной рады спешили сформировать национальную армию, считая ее одним из основных атрибутов и гарантий государственности. Между тем сама эта государственность была провозглашена односторонним актом и не получила никакого международно-правового оформления – ни признания другими государствами, ни установления границ путем согласованного размежевания с соседями, в том числе с Великороссией. Последнее и не значилось в повестке украинской политики по причине непризнания большевистского правительства в Петрограде, от которого ожидали лишь беспрепятственного пропуска украинизированных частей и так далее.

Большевистское руководство первым взялось за выяснение положения, приступив к делу с постановления Совнаркома от 16(29) ноября, и заявило в печати о намерении передать украинскому народу его исторические ценности, вывезенные главным образом при Екатерине II. Вопрос о возвращении национальных реликвий рассматривался как предлог для начала контактов с Киевом, о чем свидетельствовала заключительная фраза постановления: «Решение… непреклонно будет приведено в действие после обмена мнениями с Украинской радой» [38].

На следующий день, 17(30) ноября, состоялся разговор наркома по делам национальностей И. В. Сталина по прямому проводу с Н. В. Поршем. Разговор проходил при участии члена Киевского областного комитета РСДРП(б) С. С. Бакинского (Л. М. Бернгейма).

Порш представился как член ЦК Украинской социал-демократической партии и предложил обменяться мнениями в партийном порядке, что должно было подчеркнуть сохранение линии Центральной рады на непризнание советского правительства. Сталин, напротив, заявил, что имеет полномочия народных комиссаров на обсуждение государственных проблем. Порш охарактеризовал Раду как орган высшей власти республики, отведя будущему Украинскому учредительному собранию лишь функцию принятия конституции, и акцентировал признание Радой «федеративной связи с общегосударственным организмом России». Руководить этим «организмом», по его словам, должна вся организованная демократия при социалистическом центральном правительстве, опирающемся на правительства новопровозглашенных республик и областей, которые следует безоговорочно признать.

Сталину было что возразить собеседнику. Для начала он заметил, что взгляды большевиков по национальному вопросу известны («читайте резолюцию Апрельской конференции»), но поднятые Поршем темы подлежат государственному решению. В связи с этим он заявил, что уполномочен представить точку зрения советского правительства, которое избрано Вторым Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов и именно

потому является центральной властью. Крупным «козырем» в подтверждение сказанного стало вдобавок его сообщение о принятии накануне, 15(28) ноября, Чрезвычайным съездом Советов крестьянских депутатов решения об объединении Исполнительного комитета крестьянских депутатов с ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, а также согласие левых эсеров создать с большевиками правительственную коалицию.

Это фактически убило идею Народного совета – организации, которой сторонники «однородно-социалистического правительства» хотели заменить ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, включив в Народный совет делегатов Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, а также представителей городских дум и прочих несоветских учреждений. В числе других достижений советской власти Сталин выделил, что за нее стоит девять десятых фронта, что военные операции уже временно остановлены и ожидаются переговоры о перемирии, завершив этот перечень скромно сделанным сообщением относительно передачи украинских реликвий.

Говоря о позиции Совнаркома в украинском вопросе, нарком, исходя из последних федералистских деклараций Рады и давней автономистско-федералистской концепции украинских лидеров, заверил, что автономия должна быть «полной, не стесненной комиссарами сверху. Не может быть никакой опеки, никакого надзора над украинским народом». Относительно же преобразования России на началах федерации заметил, что «воля нации выявляется через национальное Учредительное собрание», – если оно выскажется за федеративную республику, то правительство не станет возражать, добавив при этом, что «власть в крае, как и в других областях, должна быть в руках всей суммы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, включая сюда и организации Рады».

Представив таким образом позицию Совнаркома в вопросах государственного устройства, власти и в национальном, Иосиф Сталин прямо спросил, можно ли рассчитывать на благожелательное отношение Рады ко всему сказанному. Порш в порядке личного мнения, заметив при этом, что его партия занимает руководящее положение в Раде, а сам он является членом правительства, высказался в пользу сотрудничества, но «при организации центрального органа демократии» на изложенных им ранее началах.

Вслед за этим возник вопрос о противодействии властей Центральной рады плану Киевского областного комитета большевиков созвать съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины для избрания нового состава Рады. Бакинский пожаловался на притеснения местных советов со стороны администрации Рады, не преминув в связи с этим заметить, что «по конструкции и по составу Рада далеко не демократическое учреждение».

Сталин охотно присоединился к такому определению, добавив к нему неотразимый довод. «Центральная рада, – сказал он, – сверху присоединяет к себе все новые и новые губернии, не спрашивая жителей… хотят ли они войти в состав Украины. В таких случаях вопрос должен и может быть решен лишь самим населением путем опросов, референдума и проч. Центральная рада этого не делает, а совершенно произвольно и сверху аннексирует новые губернии…»

Порш возразил, что по составу Украинская центральная рада подобна Совету рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и что екатеринославский, харьковский и херсонский крестьянские съезды высказались за присоединение к Украине. Впрочем, при публикации содержания этого обмена мнениями в органе украинских социал-демократов «Робітнича газета» редакция сочла за лучшее исключить обличительные пассажи Бакинского и Сталина. Полностью текст был напечатан через десять лет [39].

Результат своих переговоров Сталин, по-видимому, счел обнадеживающим и в записке, помеченной «18 ноября, 3 ч. дня. К сведению председателя СНК т. Ленина», потребовал срочного обсуждения среди нескольких других тем «вопроса об Украине и Раде» [40].

Вопрос обсуждался на заседании, открывшемся в семь часов вечера 19 ноября (2 декабря). С докладом выступил Г. Л. Пятаков, совсем недавно – секретарь Киевского комитета большевиков. В дополнение прозвучал доклад Сталина «Об Украине и Раде». Содержание обоих выступлений в документах Совета народных комиссаров не зафиксировано. Постановление же гласило: «Поручить Сталину создать 20 ноября утром особую комиссию, которая должна всесторонне выяснить положение дел, переговорить по прямому проводу, выдвинуть кандидата на пост уполномоченного для поездки на Украину и т. д.» [41].

В это время киевские политики тоже обсуждали итоги разговора Порша со Сталиным. Волнения им добавили еще и свежие сообщения о временной остановке военных действий на отдельных фронтах. Настроения поляризовались… 19 ноября (2 декабря) представители российских социал-демократов-меньшевиков и бундовцы потребовали чрезвычайного заседания Малой рады, обвиняя Порша в отступлении от официального решения Центральной рады о непризнании Совнаркома и в переходе на позиции большевиков относительно немедленного заключения мира. С другой стороны, левый украинский социал-демократ Е. В. Неронович зачитал резолюцию Всеукраинской рады войсковых депутатов с требованием к Генеральному секретариату немедленно приступить к разрешению вопроса о мире в согласии с народными комиссарами и демократами других частей России. Оратор заметил при этом, что Совнарком показал себя гораздо более реальным правительством, чем мифические величины будущей федерации [42].

Малой раде действительно пришлось на заседании 21 ноября (4 декабря) принять постановление об участии своих представителей в делегации от Юго-Западного и Румынского фронтов для переговоров о перемириях и об обращении с предложением мирных переговоров к союзным государствам и к противникам [43]. Кроме того, в принятом документе по-прежнему демонстрировалось намерение привести в исполнение свой утопический государственный проект и потому утверждалось, «что дело мира от имени всей Российской Республики может вести лишь центральный социалистический орган федеративной власти».

При этом признавалось, что попытки создания такого органа пока не удались, но выражалась уверенность, что «такая власть может сложиться лишь в процессе осуществления мира». Предполагаемым сепаратистским партнерам по федерации 23 ноября (6 декабря) было направлено приглашение Генерального секретариата прибыть в Киев для обсуждения поставленных вопросов [44]. О присоединении представителей Украинской центральной рады к проходившим как раз в те дни в Бресте переговорам о перемирии речи не было [45]. Напротив, возникло намерение не только самостоятельно, от имени Рады вести переговоры, но и обособиться в военном отношении, вычленив из общероссийского отдельный Украинский фронт, как говорилось при обсуждении, – «для лучшего претворения в жизнь дела временного перемирия и для защиты Украины» [46].

Симон Петлюра 23 ноября (6 декабря) на исходе дня известил по прямому проводу Николая Крыленко о выводе Юго-Западного и Румынского фронтов из-под управления Ставки для объединения их в самостоятельный Украинский фронт, после чего предложил начать «деловые разговоры» о перемирии и положении на фронте [47].

Советский главковерх ограничился коротким возражением, что «знает только один фронт, за который ответственен», а «для согласования действий» передал текст уже подписанного советской делегацией договора о перемирии, добавив при этом, что не чинит препятствий перемещению украинских войск [48]. Для дальнейших контактов с Киевом он из Ставки запросил инструкций правительства. Инструкцию изложил Лев Троцкий 24 ноября (7 декабря) в три часа дня.

Тем временем как раз в этот день газета «Правда» вышла с материалом, содержавшим все то, что Сталин изложил Поршу 17(30) ноября. При этом Порш вовсе не упоминался в качестве участника переговоров. В публикации было сказано, что накануне, то есть 23

ноября (6 декабря), другой киевский собеседник наркома «товарищ Сергей Бакинский вел продолжительную беседу с… товарищем Сталиным». Напечатанный текст был разбит на части, каждая со своим заголовком. После первых двух – «Об Украинской республике» и «О власти на Украине» – значилось то, ради чего, очевидно, и была в таком виде предпринята публикация и о чем прямо не было сказано в переговорах 17(30) ноября. Под рубрикой «Совещание Рады и Совета Народных Комиссаров» говорилось, что вышеназванные вопросы представляют широкое поле для соглашения и потому «желательно устроить совещание представителей Центральной Рады и представителей Совета Народных Комиссаров».

Переданное в такой форме приглашение киевским лидерам к диалогу и согласию разминулось по времени с их решением о разделении фронта. Ясно, что после подобного акта отчуждения тон петроградского правительства не мог не измениться. Появились и другие важные обстоятельства, и другое лицо выступило от имени Совета народных комиссаров. Лев Троцкий в упомянутой инструкции для Николая Крыленко более резко, чем Иосиф Сталин, обозначил неприятие абстрактно-демократической риторики политиков Центральной рады и перевел стрелки в область социально-классовой проблематики как источника противоречий между Петроградом и Киевом.

Он заявил, демонстративно адресуясь лишь к украинским трудящимся массам, что они «на деле должны понять, что общероссийская Советская власть не будет чинить никаких затруднений самоопределению Украины, в какие бы формы это самоопределение окончательно ни вылилось… Но мы считаем необходимым открыто показать… противоречие социалистической политики Советской власти и буржуазной политики Центральной Рады, которая фактически становится – может быть против воли некоторой своей части – правительством имущих классов на Украине. Не намереваясь ни в малой степени навязывать свою волю украинскому народу, Совет Народных Комиссаров. готов всеми зависящими от него средствами поддерживать Советы украинских рабочих, солдат и беднейших крестьян в их борьбе против буржуазной политики нынешних руководителей Центральной Рады».

Двумя днями ранее Ленин говорил на Всероссийском съезде военного флота: «Мы скажем украинцам: как украинцы вы можете устраивать у себя жизнь, как вы хотите. Но мы протянем руку украинским рабочим и скажем им: вместе с вами мы будем бороться против вашей и нашей буржуазии» [49]. Такова была позиция большевистского руководства.

В полученной Крыленко от Троцкого инструкции содержались и указания по уже возникшим вопросам отношений в военной области. Троцкий одобрил установку главкома «не чинить никаких политических препятствий передвижению украинских частей с севера на юг», поручил учредить при Ставке представительство украинского штаба. Вопрос о едином Украинском фронте нарком, ставя под сомнение способ образования Украинской народной республики, предложил считать открытым «до определения воли всех заинтересованных областей демократическим путем» [50].

Услышав все это в разговоре с Крыленко по прямому проводу вечером того же дня, Петлюра сразу парировал обвинение в буржуазности Центральной рады, заявив, что она «сконструирована на принципе делегирования всех краевых центров революционной демократии», и, исходя из этой формулы, поинтересовался, не рассчитывая на ответ, против кого будет направлена обещанная Совнаркомом борьба. На предложение прислать в Ставку украинского представителя он выдвинул встречное – о взаимном представительстве при штабах и особо подчеркнул, что не стоит оставлять открытым вопрос об образовании отдельного Украинского фронта, так как он «предрешен» правительством Центральной рады [51].

При всех выявившихся в этом разговоре и акцентированных обеими сторонами расхождениях был вопрос, в котором большевистское руководство рассчитывало на понимание и хотя бы пассивное содействие Киева. Он касался казачьих областей, особенно Донской. Область войска Донского включала значительную часть Донецкого угольного бас-

сейна, давала контроль над хлебными ресурсами юга России и транспортировкой каспийской нефти. Отделение такого края было само по себе болезненно для российского центра.

Кроме того, на Дон стали стекаться военные и политические лидеры антибольшевизма. Атаман войска Донского Алексей Каледин стал известен своим политическим выступлением с призывом «немедленно и резко поставить предел… расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и советами» [52] еще на Государственном совещании в августе 1917 года. Вскоре он приступил к осуществлению этого призыва, введя 2(15) ноября в области военное положение. В Донбассе и других промышленных центрах, где еще до Октября утвердились Советы рабочих и солдатских депутатов, были размещены воинские части, закрывались рабочие организации, их активисты увольнялись с работы и вместе с семьями высылались за пределы области в семи– и даже трехдневный срок. Делегации донецких горняков искали защиты в Петрограде и Киеве. Политики Центральной рады, рассматривавшие донское правительство в качестве потенциального партнера в будущей федерации, старались его урезонить переговорами и уговорами, что не слишком помогало. Эпицентром напряженности как раз в те дни стал самый крупный город области – Ростов.

Во время Октябрьского переворота в Ростовском совете преобладали сторонники «однородной социалистической власти». Они тогда заменили образованный большевиками Военно-революционный комитет Комитетом объединенной демократии, который вступил в контакт с Алексеем Калединым, что позволило атаману в соответствии со своими политическими представлениями по-военному распоряжаться в городе. Это в свою очередь вызвало возмущение трудовых низов. Совнарком был кровно заинтересован в их поддержке, но не имел для этого прямого доступа на Дон. Правда, солидарно с ростовскими рабочими выступили моряки Черноморского флота. Донское правительство расценило это как нарушение суверенитета своей республики и окольными путями, через Ставку, по этому поводу заявило протест Совнаркому.

Комиссар казачьих войск при Ставке Шапкин вручил Крыленко документ, в котором говорилось, что «22 ноября в Таганрогский порт вошло несколько вооруженных траллеров, посланных Черноморским флотом против Донского войскового правительства… другой отряд направился к Ростову… захватил в гирлах Дона одну груженую баржу… и увел ее неизвестно куда. Кроме того, из самых разнообразных источников поступают известия о том, что против Дона собираются войска с севера… чтобы установить на Дону господство принципов социал-демократов большевиков» [53].

Похоже, все описанное было местной инициативой черноморских моряков, сделавшейся известной в Петрограде задним числом. Во всяком случае, матрос В. В. Роменец, ставший «главным народным комиссаром Черноморского флота», лишь 23 ноября (6 декабря) проинформировал Совнарком о своем избрании на эту должность и в последующие дни сообщал о поднявшемся на флоте «возбуждении против калединской авантюры» и о том, что местными «высшими демократическими организациями были приняты кое-какие меры, чисто демонстративные. В настоящее время посылается еще флотилия в Азовское море, но уже предвидится и столкновение… прошу сообщить… товарищи, что в этом плане предпринято с Вашей стороны, а также как действовать и что предпринимать в дальнейшем Черноморскому флоту, ибо страсти разгораются… я не имею никаких от Вас распоряжений. Быть может мы… и ошибаемся, хотя и думаем, что нет».

В следующей телеграмме, на этот раз в Ставку, Роменец сообщал: «Посланы особые отряды с делегациями во главе для морального воздействия на массу, угоревшую от обещания реакционера. Одна из таких делегаций арестована Калединым. Каледин телеграфировал ультиматум, что Черноморский флот отнюдь не должен вмешиваться в распоряжения автономной области и дела войскового правительства… По последним сведениям с Дона, обострение увеличивается. Телеграфируйте, что предпринимать и как действовать» [54].

Предписание Совнаркома главному комиссару Черноморского флота последовало 26 ноября (9 декабря): «Действуйте со всей решительностью против врагов народа. Не дожидаясь никаких указаний сверху» [55]. А накануне, 25 ноября (8 декабря), Ростовский совет восстановил Военно-революционный комитет, который возглавил борьбу рабочей Красной гвардии за изгнание казачьих войск из города.

Троцкий, узнав со слов Крыленко о переданном Шапкиным протесте донского правительства, не стал отрицать намерения вмешаться. Он с возмущением поведал о введении военного положения на Дону и об установленных калединцами в Ростове на крышах терроризирующих город пулеметах, о связи Каледина с монархистами, о захвате власти в Оренбурге казачьим генералом А. И. Дутовым и так далее. Нарком сообщил о решении «не входить ни в какие переговоры с контрреволюционными заговорщиками… одним ударом положить конец преступным действиям калединцев и корниловцев… контрреволюционному мятежу Дутова». Он предложил Крыленко «немедленно двинуть по направлению к Москве, Ростову-на-Дону и Оренбургу такие силы, которые, не колебля нашего фронта, были бы достаточно могущественны, чтобы в кратчайший срок стереть с лица земли контрреволюционный мятеж казачьих генералов и кадетской буржуазии» и поручил для этого «запросить Украинскую Раду, считает ли она себя обязанной оказывать содействие в борьбе с Калединым или же намерена рассматривать продвижение наших эшелонов на Дон как нарушение своих территориальных прав».

Одновременно главковерху поручалось пригласить представителя Украинской народной республики в состав «общероссийской мирной делегации», которая после объявленного 22 ноября (5 декабря) перерыва должна была продолжить переговоры о перемирии с государствами Четверного союза [56]. Крыленко в вечернем разговоре 24 ноября (7 декабря) попросил у Петлюры «ясного и точного» ответа на поставленный вопрос о пропуске советских войск на Дон. Но генеральный секретарь уклонился, заметив, что «вопрос о том, что происходит на самом Дону следует проверить, дабы не вызвать лишних, а м[ожет] б[ыть] и опасных конфликтов», и переключился на другие темы, пообещав сообщить решение Генерального секретариата по окончании проходившего как раз в тот момент его заседания [57].

Генеральный секретариат по докладу Петлюры постановил отказать в пропуске советских войск и решил искать соглашения с донским правительством, ссылаясь на будто бы полученные от Каледина обещания прекратить преследования донецких шахтеров [58]. На самом деле в разговоре с Поршем по прямому проводу, опубликованном 17(30) ноября, член войскового правительства Поляков отрицал притеснения рабочих и советовал не доверять их жалобам, утверждая, что применяются лишь оборонительные меры против анархических элементов [59].

Петлюра со своей стороны заверил Крыленко, что в Екатеринославской губернии (к ней в то время административно принадлежала часть угольного бассейна) казачьи войска будут заменены украинскими [60], что, конечно, не могло удовлетворить Петроград. Так завязался первый узел конфликта. Генеральные секретари не спешили реагировать на предложение направить своих представителей в Брест, уточняя, в какую делегацию их пригласили – по заключению мира или перемирия [61]. Как видно, они рассчитывали на согласованное выступление с правительствами отделившихся республик и областей, которым направили свое собственное предложение, в конце концов так и оставшееся без ответа. Лишь 28 ноября (11 декабря) после дополнительного напоминания из Ставки начальника штаба М. Д. Бонч-Бруевича правительство Центральной рады назначило на переговоры о перемирии не делегатов, а наблюдателей «для информации и контроля, чтобы перемирие было заключено по возможности в соответствии с нашей платформой и не во вред Украинской Народной Республике» [62].

Конференция по перемирию возобновилась 29 ноября (12 декабря). Украинские наблюдатели – депутат Украинской центральной рады, украинский социал-демократ Н. Г. Левицкий, молодой лидер Национально-революционной партии, член Малой рады Н. М. Любинский и капитан Г. В. Гасенко, адъютант генерального секретаря по военным делам Петлюры, прибыли в Двинск, к пункту перехода через линию фронта, 1(14) декабря, накануне завершения переговоров.

В сделанном позже докладе своему правительству Левицкий пожаловался, будто петроградские делегаты умышленно не стали дожидаться киевлян, чтобы разом прибыть в Брест, а затем Л. Б. Каменев якобы передал по прямому проводу в Двинск, что украинцам и вовсе «нечего ехать в Брест» [63]. Однако, согласно записи этого разговора на телеграфной ленте, Каменев приветствовал присоединение украинских представителей к советской делегации, ожидавшей их еще в Петрограде, и сообщил, что 2(15) декабря переговоры скорее всего завершатся. Из этого Левицкий сам сделал вывод: «Я Вас понял в таком смысле, что наша поездка [в] Брест будет запоздалой, так как мы успеем приехать после подписания перемирия и быть может, я думаю, нет необходимости совершать эту поездку. Нам важно знать подробные условия перемирия и с тем мы можем уехать» [64]. Каменев и Иоффе тут же изложили основные параметры действительно подписанного в названный срок, 2(15) декабря, перемирия и сообщили, что после короткого перерыва, практически – до 9(22) декабря, должны начаться переговоры о мире. Украинцы, посоветовавшись между собой, 3(16) декабря все-таки прибыли в Брест, чтобы выяснить важные для них вопросы, в частности, распространялось ли на украинизированные части условие о непереброске войск с одного фронта на другой.

Правительства центральных держав до тех пор не принимали во внимание Украинской народной республики в качестве субъекта переговоров. Но прибывших в Брест посланцев Киева командующий Восточным фронтом принц Леопольд Баварский и его начальник штаба генерал-майор М. Гофман, возглавивший на переговорах о перемирии все делегации Четверного союза, с интересом расспросили о состоянии и составе украинской армии: дисциплине, боеспособности, настроении и даже форме. Австрийцы интересовались позицией правительства Украинской республики в вопросе о Восточной Галиции и Северной Буковине, чье русинское (украинское) население настойчиво требовало от Вены расширения своих национальных прав [65].

Турки напомнили о принадлежавшем им суверенитете над пресловутыми и столь заманчивыми черноморскими проливами. Украинские представители, согласно их докладу Генеральному секретариату, заявили делегатам Четверного союза о непризнании Совнаркома правомочным заключать мир от имени всей России, на что немцы, желая по всей форме прояснить статус объявившегося нового государства, заметили, что не имеют официального уведомления о создании Украинской народной республики, потому должны считать делегатов от Совнаркома представителями всей России, и, только получив из Киева официальное свидетельство украинской государственности и украинскую декларацию о мире, они не станут обсуждать с советскими делегатами проблем, затрагивающих Украину [66].

С этими данными украинцы, оставив наблюдателем в Бресте Любинского, вернулись в Киев за инструкциями. Немцы же, генерал Гофман и представитель внешнеполитического ведомства посланник Ф. Розенберг, согласно сообщению в Вену члена австро-венгерской делегации посла К. Мерея, стали на ту точку зрения, что украинцев следует допустить к переговорам [67]. (После поражения Германии в войне Украина, по словам эмиссара Украинской народной республики в Берлине, «перестала быть там популярной как один из неудачных экспериментов императорского правительства». Тем не менее генерал Гофман в публичных выступлениях без стеснения говорил, что это он в критическом для Германии положении «выдумал Украину» [68].)

Это мнение нашло подтверждение на совещании рейхсканцлера Г. Гертлинга с представителями парламентских партий 7(20) декабря. В выступлении статс-секретаря ведомства иностранных дел Р. Кюльмана, которому предстояло возглавить германскую делегацию на переговорах о мире, оно было сформулировано так, чтобы исключить какие-либо обвинения во вмешательстве во внутренние дела России, ибо федералистские декларации Украинской народной республики не позволяли считать ее полностью самостоятельным государством. «Императорское правительство намерено признать независимость Финляндии и Украины лишь в том случае, если такое признание последует со стороны русского правительства», – заявил Кюльман [69].

В Киеве, конечно, этого осложняющего обстоятельства пока не знали. Но там не было еще и готовности к немедленному миру с Четверным союзом. Напротив, в Генеральном секретариате преобладали украинские социал-демократы и социалисты-федералисты, не оставлявшие мысли занять место в ряду западных демократий – держав Согласия. Для этого следовало поддерживать боеспособность фронта хотя бы в той части, которая пролегала вдоль территории Украины. Отсюда – провозглашение самостоятельного Украинского фронта под началом командовавшего Румынским фронтом генерала Д. Г. Щербачева, который имел возможность действовать в полном контакте с союзническими военными миссиями. С точки зрения политиков Центральной рады, неприемлемым представлялся также переход к большевикам Верховного командования. Был, очевидно, расчет и на то, что с образованием самостоятельного фронта дислоцированные там части проще будет преобразовать в национальную украинскую армию.

«События, которые произошли в Ставке Главковерха, нарушили оперативную связь фронтов, что угрожает украинской территории опасностью из-за всяких возможностей вплоть до подписания мира», – такой невразумительной фразой начиналась резолюция Генерального секретариата от 23 ноября (6 декабря) о создании Украинского фронта [70]. Кроме всего прочего, в ней ложным было утверждение о нарушении оперативной связи Ставки и фронтов. При всем драматизме ситуации командные должности в Ставке и на фронтах занимались генералами и высшими офицерами, выполнявшими свой профессиональный долг согласно предписаниям о полевом управлении войсками в военное время. Нарушение этого порядка началось именно с вторжения украинских властей в непосредственное управление фронтами и их важнейшими подразделениями. Так, Симон Петлюра, минуя фронтовое командование, стал отдавать приказы службе военных сообщений, внося, по словам обратившегося к нему 29 ноября (12 декабря) начальника штаба М. Д. Бонч-Бруевича, «дезорганизацию и путаницу» [71].

Представитель Генерального секретариата на Юго-Западном фронте И. И. Красковский 24 ноября (7 декабря) предпринял демарш против исполнявшего должность командующего фронтом генерала Н. Н. Стогова за переданное им по армиям распоряжение о прекращении огня. «Я не политик, между тем войска разделены на признающих 1) правительство народных комиссаров; 2) не признающих их; 3) признающих лишь Раду и 4) казаков, признающих лишь свои войсковые правительства», – писал генерал по этому поводу главковерху, подчеркивая серьезность положения, при котором воинские приказы потеряли силу [72].

Вскоре обнаружилось, что провозглашение Украинского фронта не привело к сплочению частей и повышению их боеспособности. Напротив, на Румынском фронте целая 8-я армия не признала своей принадлежности к Украинской народной республике. Чрезвычайный съезд Юго-Западного фронта, состоявшийся 18–24 ноября (1–7 декабря), хотя и направил приветствие властям Украинской республики, но не согласился с переходом в их подчинение, а в вопросе о политической власти высказался за Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов в центре и на местах [73]. Обеспокоенный положением на передовой генерал Стогов телеграфировал в Киев, что «русские части угрожают бежать с Украин-

ского фронта. Катастрофа не за горами» [74]. По данным работавших в армии большевиков, в войсках Румынского и Юго-Западного фронтов этнических украинцев насчитывалось самое большее одна треть [75].

Правительству Центральной рады нечего было предложить неукраинцам-окопникам, чтобы задержать их на позициях, кроме строгого напоминания об их долге «добросовестно и честно выполнять свои обязанности по охране Украинского фронта» [76]. Зато в тыловых частях и гарнизонах, где среди военнослужащих царил такой же разброд, генеральные секретари решили провести чистку по этническому признаку, тем более что они долго тешили себя представлением о большевизме как чисто русском явлении, якобы чуждом украинцам. Немало большевизированных подразделений скопилось в Киеве, где они смыкались в идейно-политических предпочтениях с Советом рабочих и солдатских депутатов и его Красной гвардией. Впрочем, все вместе они, по данным украинского исследователя, к концу ноября 1917 года располагали еще вдвое меньшими силами, чем находившиеся там же украинские войска.

При этом Киевский комитет большевистской партии отклонил предложение некоторых своих членов о вызове в город большевизированного 2-го гвардейского корпуса, потому что рассчитывал победить в политической борьбе на Всеукраинском съезде Советов, назначенном на 4(17) декабря. Однако украинские власти, заранее начав ликвидацию отрядов Красной гвардии и аресты выборных командиров воинских частей, спровоцировали комитет на решение предъявить Генеральному секретариату ультиматум [77] и опередили большевиков, проведя до истечения срока ультиматума, в ночь с 29 на 30 ноября (12–13 декабря), разоружение и вывоз за пределы края пробольшевистски настроенных неукраинизированных частей без оружия, в том числе без принадлежавших им 380 артиллерийских орудий и другого имущества.

Большевистская пропаганда заклеймила случившееся как шовинистический акт и оскорбление воинской чести. «Мы отправляли украинцев петроградского гарнизона на Украину с музыкой и оружием, – говорилось в приказе Николая Крыленко по армиям от 16(29) декабря 1917 года. – Мы братски делились с ними оружием. Рада с нашими товарищами поступила так, как поступают немцы с военнопленными, если не хуже. Как арестантов, как грабителей с большой дороги отправила их под конвоем на вокзал… голых и босых она их выгнала из Киева» [78].

Одновременно с киевскими событиями в Одессе Украинская рада 29 ноября (12 декабря) запретила отправку на Дон против Каледина отряда Красной гвардии и матросов. В ответ красногвардейцы и присоединившиеся к ним солдаты захватили автомобили украинских добровольцев-гайдамаков – разгорелся настоящий бой, в котором было убито до 300 красногвардейцев вместе с их командиром и четырьмя гайдамаками [79]. Вслед за этим украинские власти и в других городах попытались ликвидировать Красную гвардию, в некоторых распустили Советы, разоружили ряд гарнизонов и частей – тех, которые не выполнили приказ Симона Петлюры об увольнении солдат-неукраинцев. Такой приказ был отдан по всему Одесскому военному округу, что, по документам Ставки, окончательно «запрудило дороги и ослабило резерв», а с социально-политической точки зрения только пополнило ряды растекавшихся по Украине лишенных средств к существованию, на все готовых люмпенов. При этом части, признавшие власть Украинской центральной рады, украинское командование стало перемещать с внешнего фронта к северным и восточным пределам Украинской республики [80].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.